

ZBIÓR
RAPORTÓW NAUKOWYCH

Nauka dziś: teoria, metodologia,
praktyka, problematyka.

Sopot
30.07.2014 - 31.07.2014

Część 6

СБОРНИК
НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Наука сегодня: теория,
методология, практика,
проблематика.

Сопот
30.07.2014 - 31.07.2014

Часть 6

УДК 930.1+32+159.9+316+101.1+082

ББК 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: 00-728 Warszawa, ul. S. Kierbedzia, 4 lok.103

e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zl.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór raportów naukowych. „Nauka dziś: teoria, metodologia, praktyka, problematyka„. (30.07.2014 - 31.07.2014) - Warszawa: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2014. - 76 str.

ISBN: 978-83-64652-56-1 (t.6)

Zbiór raportów naukowych. Wykonane na materiałach Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej Konferencji 30.07.2014 - 31.07.2014 roku. Sopot.

Część 6.

УДК 930.1+32+159.9+316+101.1+082

ББК 94

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora jest zakazane.

Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów.

Pisownia oryginalna jest zachowana.

Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

Obowiązkowym jest odniesienie do zbioru.

Warszawa 2014

ISBN: 978-83-64652-56-1 (t.6)

"Diamond trading tour" ©

SPIS /СОДЕРЖАНИЕ

SEKSCJA 9. NAUK HISTORYCZNYCH. (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)

1. Зайцев Е.Д.	5
ЖЕНЩИНА В ИСЛАМЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ	
2. Григорьева А.А.....	8
ПАИСЛАМИЗМ – ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ	
3. Жоллыбекова И. Б., Базарбаев А. М.	11
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН ПО ВОПРОСАМ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ	
4. Мацневский Г.О.	13
ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ СОВРЕМЕННОМУ РОССИЙСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ	
5. Новоселов М. Ю.....	17
РУССКИЕ РЕЭМИГРАНТЫ ИЗ КИТАЯ И СОВЕТСКАЯ РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА	
6. Пышнограев С.В.....	21
ОБРАЗ ЯПОНСКОГО ВОЕННОГО В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА	
7. Аллияров А.....	25
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАРАКАЛПАКСКОГО НАРОДА	
8. Байжума Г. Б.....	27
ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»	
9. Богуславська С.О.....	31
ОСОБЛИВОСТІ КОРЕКЦІЇ ДИТЯЧИХ СТРАХІВ	
10. Пастухова М.О.	37
КРИТИЧНЕ МИСЛЕННЯ ЯК ЗАСІБ УНИКНЕННЯ ШАБЛОНІВ МИСЛЕННЯ, ЯКІ ВИНΙΚАЮТЬ У ПРОЦЕСІ ПРОФЕСІЙНОЇ РЕФЛЕКСІЇ	
11. Герасимова К.В., Прокофьева О.А.	41
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ	

SEKCJA 23. FILOZOFIA. (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

12. Makukhin P.G. 45
PROBLEM OF SCIENTIFIC STATUS OF PHILOSOPHY IN THE LIGHT
OF OBJECTIVITY RETHINKING AS A PROPERTY OF KNOWLEDGE IN
NON-CLASSICAL POST-NON-CLASSICAL AND SCIENCE
13. Николаишвили Э.О. 50
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В БОГЕ ИЛИ В МЕГА-ВЫЗОВАХ ВСЕЛЕННОЙ
14. Райхерт К. В. 53
«KURONEKO BANZAI» КАК ПРИМЕР ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ АНИ-
МАЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ 1930-Х ГОДОВ
15. Муляр В. І. 59
ІНДИВІДУАЛЬНІСТЬ ЯК ПОНЯТТЯ СОЦІАЛЬНОЇ ФІЛОСОФІЇ
16. Скиртач В. М. 62
АНТИПСИХИАТРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТАХ)
17. Карпицкий Н.Н. 66
ОНТОЛОГИЯ ЗРАДИ
18. Тарнапольская Г.М. 71
СПЕЦИФИКА ЯПОНСЬКОГО СИМВОЛІЗМУ

ЖЕНЩИНА В ИСЛАМЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Ислам – одна из мировых религий авраамического происхождения. Основной постулат этой религии гласит: «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад Его раб и посланник».

Ислам возник в 7 веке нашей эры на Аравийском полуострове. За свою историю он распространился по всему миру, и теперь мусульмане есть в каждой стране, а в государствах Ближнего востока они составляют большинство.

Некоторые из государств Ближнего востока строят свою систему на основе шариата (т.е. Исламского закона), основанного на Коране и Хадисах (священное предание).

Шариат, также не обходит стороной вопрос о женщинах. В современных шариатских государствах отношения к женщинам намного хуже, нежели в первые года Ислама и халифата. Первые мусульмане в своем отношении к женщинам руководствовались принципом изложенным в Коране: «У вас есть права над вашими женщинами, и ваши женщины имеют права над вами», т.е. принципом равноправия полов.

Цель статьи. Сравнение положения женщин в раннеисламский период и в современном шариатском государстве Саудовская Аравия .

Задачи :

1. Проанализировать аяты Корана о роли женщин в Исламском обществе.
  2. Рассмотреть хадисы, которые также регламентируют положение женщин.
  3. Изучить судьбы первых влиятельных женщин Ислама
  4. Исследовать отношение к женщинам в современной Саудовской Аравии
- Приведем несколько аятов , которые регламентируют положение женщин.

«Когда кому-либо из них сообщают весть о девочке, лицо его чернеет, и он сдерживает свой гнев. Он прячется от людей из-за дурной вести. Оставит ли он себе ребенка с позором или же закопает её в землю? Воистину, скверны их решения!» Т.е. в данном аяте говорится гарантии прав на жизнь для девочек.

«Страшитесь гнева Господа, от того, чтобы относиться к женщинам несправедливо, поистине, вы женились на них и они – дар вам от Аллаха, и через слово Аллаха они стали вам дозволены». Здесь идет упор на благожелательное отношение между мужчиной и женщиной, и мужчина не имеет право притеснять женщину, так как женщина – это дар от Аллаха.

Мужчины являются попечителями женщин, потому что Аллах дал одним из них преимущество перед другими, и потому что они расходуют из своего имущества. Мужчине в этом аяте дано преимущество перед женщиной, потому что мужчина выступает как содержатель жены.

А кто совершает праведные дела, будучи верующим, будь то мужчина или женщина, то он войдет в Рай. Аят указывает на равноправие между женщиной и женщиной.

Если двое из вас совершат такой поступок (прелюбодеяние), то подвергните обоих наказанию. Если они раскаются и станут поступать праведно, то оставьте их, ведь Аллах – Принимающий покаяния, Милосердный. Вопреки расхожему мнению, по Исламу людей совершивших прелюбодеяние не ведут сразу на плаху, а дают время на раскаianie.

Вы не сможете относиться к женам одинаково справедливо даже при сильном желании. Не наклоняйтесь же полностью к одной, оставляя другую словно висящей (не уделяйте все внимание только одной жене, оставляя другую в таком положении, когда она, выйдя замуж, чувствует себя незамужней). Но если вы исправите положение и будете богобоязненны, то ведь Аллах — Прощающий, Милосердный. Узаконивая многоженство, Коран в тоже время регламентирует его, говоря об отношениях мужчины к своим женщинам исключительно по справедливости.

Далее исследуем хадисы Мухаммада.

«Самым совершенным в вере является тот верующий, кто обладает хорошим характером. Лучшим же из вас считается тот, кто хорошо относится к женщинам». Из хадиса следует, что женщину нельзя притеснять, так как она есть показатель праведности мусульманина.

«Праведная жена лучше тысячи не совершающих благодеяний мужчин». Т. е. идет возвышение верующей женщины, и противопоставление ее неверующим мужчинам, указывая на то, что такая женщина выше их. Стоит отметить, что такие высказывания для того общества были очень новы.

«Рай находится под ногами ваших матерей». Здесь все просто, люби свою мать и тебе дана прямая путевка в Рай.

«Хвала Тому, кто украсил мужчину бородой, а женщину косой и волосами». Идет уравнивание женщин и мужчин по физиологическим показателям.

Когда ты с радостью смотришь на сына, то это записывается тебе как благо, а когда смотришь с радостью на дочь, это записывается тебе как награда. Начинайте с дочерей, ибо Всевышний Аллах особо милостив к ним. Т.е. женский пол находится под прямым покровительством Бога.

Если у какого-то мужчины родится дочь, и он не будет причинять ей вред, обижать ее и уделять внимание только сыну, то Всевышний Аллах из-за нее введет его в Рай. Т.е. показано насколько трепетно должно быть отношение отца к своей дочери, и не превознося сына над ней, следовательно права равны, как у девочек, так и у мальчиков, как у мужчин, так и у женщин.

Из вышеперечисленных аятов и хадисов видно, что женщины в целом равны по правам мужчинам, и их притеснение выглядит, как нарушение законов Ислама.

Этот принцип равноправия полов в раннемусульманском обществе был широко применяем, о чем свидетельствуют судьбы женщин первых годов Ислама и халифата.

Аббисинская рабыня Барака, которая приглядывала за Мухаммадом с момента его рождения, одна из первых приняла Ислам. Она участвовала во всех экспедициях, терпя все лишения которые переносили первые мусульмане.

Хадиджа – первая жена пророка, и первая последующая путем Ислама. Сре-

ди верующих она получила титул аль-Кубра (Великая), за огромный вклад в утверждение монотеизма.[3]

Айша. После смерти Хадиджи она заняла ее место, став женой пророка и получив титул «Мать верующих». Она была известным ученым в области шариата и передала 2210 хадисов. Один из ее современников говорил : «Я не видел среди людей никого, кто бы знал больше об обязательствах и запретах Корана, истории арабов, поэзии, генеалогии, чем Айша. Ее называют одной из первых факихов т.е. знатоков исламского права.[4]

В сире Ибн Хишама приводится рассказ об одной из первых уверовавших-Сумайе, которая стала первой мученицей Ислама, показав что за Ислам проливали кровь как мужчины, так и женщины.[5,с.57-63]

В современном Исламском обществе отношение к женщинам имеет разный оттенок. В исламских либеральных государствах женщинам дана чрезмерная свобода, выходящая за рамки приличия. В шариатских государствах наоборот, права женщин ущемляются.

Саудовская Аравия, которую мы выбрали для сравнения, занимает 130 место из 134 по ущемлению женских прав. Такая тенденция началась после Исламской революции в Иране, которая задела все исламские государства, и повернула их путь развития к более консервативному. Радикалы пришедшие к власти после 1979 года издали указ запрещающий женщинам получать образование. Все изображения с женщинами были изъяты. Министерство внутренних образования запрещает им работать, стипендии для студенток за границу сократились. Ношение паранджи(про которую в Коране ничего не сказано)стало обязательным. Также женщинам запрещено водить автомобиль, и она не может и шагу ступить без мужчины-опекуна. В кодексе Саудии за изнасилование даже нет статьи, и женщину саму могут посадить как прелюбодейку, даже если она была изнасилована. [6;7,с.152]

Из сравнения следует, что права женщин в современном шариатском государстве С.А. и права женщин по Исламу сильно разнятся. Причину такой нелепости стоит искать в том, что правительство С.А. боится проникновения западных ценностей феминизма, так как либерализация Саудии угрожает ее правящему классу.

В Саудии также сильно влияние племенных законов, которые ставят женщину в положение ниже, чем по Корану. И к сожалению племенные законы в Саудии воспринимаются больше нежели исламские.

Литература:

1. Коран перевод Крачковского. Издательство восточной литературы,1963
2. Сахих Аль Бухари. Мухтасар. Сборники хадисов.
3. Reclaiming Tradition: Islamic Law in a Modern World | International Affairs Review. Iar-gwu.org
4. Muhammad and women. Public Broadcasting Service.
5. Жизнеописание пророка Мухаммада. Ибн Хишам. Пер. Я.А.Гайнуллиной. Умма,2003
6. Winning the case for women in work, BBC News (13 December 2012).
7. Wright Robin Sacred Rage : The Wrath of Militant Islam. — Simon and Schuster, 2001.

ПАИСЛАМИЗМ – ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Во второй половине XIX века в Российской и Габсбургской империях наряду с панславизмом и пангерманизмом произошло оформление идеологии **пантуранизма** (пантюркизма). Ее смысл состоял в создании тюркоязычного государства (от берегов Адриатики до Китая) под эгидой Османской империи – «Великого Турана». Основоположителем пантуранизма принято считать Арминиуса Вамбери. Доктринальное оформление пантуранизм получил лишь в 1904 году в работе Юсуфа Акчуры «Три вида политики». Весьма любопытно, что Ю. Акчура показал себя не только антагонистом Запада, но и продемонстрировал враждебность в отношении анатолийско-греко-армянского населения, которое рассматривалось им в качестве пособника иностранного капитала, разрушавшего турецкую экономику. Несколько позже, в 1908 году идеи пантуранизма получили развитие в труде азербайджанского автора Али Гуссейна-заде «Тюркизация, исламизация, модернизация».

К началу XX века в недрах пантуранской идеи сформировалась еще одна, более радикальная идеология, апеллировавшая уже не к этническому, а религиозному «родству» – **панисламизм**. У истоков последнего стоял известный мыслитель и реформатор Джемаль-ад-дин аль-Афгани. Согласно его концепции, приверженцы мусульманства непременно должны консолидироваться в борьбе с иноверцами-колонизаторами за воссоздание средневековой чистоты ислама. «Имитация» европейских норм, считал аль-Афгани, «которая ... тащит нас к восхищению иностранцами, к примирению с их господством над нами», составляла суть ускоренного социального развития мусульман, а, вместе с тем, и угрозу утраты ими цивилизационной самобытности. Поэтому «природа ислама», содержащая «в себе элементы порядка и саморазвития», нуждается в модернизации «в той части, которая мирится с апатией и допускает власть чужеземцев» [2, с. 165]. Идеальной формой государственного устройства провозглашался халифат, как полиэтническое и многоконфессиональное государство. Аналогичных взглядов придерживался сирийский шейх Абу-ль-Худе-ас-Сайид, член суфийского ордена рифайта. Вслед за аль-Афгани, он утверждал, что халиф – это тень Аллаха на земле, исполнитель его воли. Все мусульмане обязаны беспрекословно подчиняться своему «духовному» лидеру, будучи терпеливыми к любым его действиям (включая требование нарушения шариата). Прежде чем не повиноваться халифу, мусульмане должны через молитву спросить совета у Аллаха, который воспринимался как единственный обладатель права «наставлять на истинный путь» Великого Султана.

Лозунги панисламизма оказались востребованными Великой Портой. Внутренние противоречия Османской империи на фоне колониальной экспансии ведущих европейских держав, усугубили политический, экономический и социальный кризис в стране. Не найдя выхода из сложившейся ситуации в установлении консти-

туционного режима, Абдул Хамид II обратился к идеям аль-Афгани. Он постоянно подчеркивал свое «божественное» происхождение, называя себя халифом (духовным вождем) всего исламского мира: «Я прежде всего повелитель правоверных и только после этого монарх османцев» [1]. Достаточно сильное влияние султан испытывал со стороны дервишей, уверявших его, что в недалеком будущем «сыны Аллаха» начнут открытую войну с христианами (джихад). Еще в годы русско-турецкой кампании (1877-1878 гг.) османские агенты в Центральной Азии с подачи правительства активно способствовали разжиганию русофобии в данном регионе. Отдельная делегация с подобной миссией посетила афганского эмира Шир-Али. Данная стратегия сыграла особую роль и в период антианглийского выступления Араби-паши в 1882 году, и в организации антифранцузских восстаний в Тунисе. Внутри империи весьма эффективным средством «воспитания» преданности правителю-халифу являлась государственная система образования. В конце XIX века здесь резко возросло количество начальных и средних школ, над которыми сразу же установили жесточайшую цензуру. Следовательно, европейской колониальной политике было противопоставлено глобальное религиозное движение, руководствовавшееся принципом: «Все мусульмане – братья».

На рубеже XIX-XX веков панисламизм подвергся значительным коррективам. Сторонники мусульманской солидарности стали искать в текстах Корана компромисс между исламом и современными научно-техническими достижениями (радиотрансляция хутб и фетв на языке слушателей, переоценка устаревших принципов шариата под влиянием европейского судопроизводства и т.п.). Начало такой практике положил ученик и последователь Джемаля ад-дина аль-Афгани, муфтий Египта Мухаммед Абдо, полагавший, что секрет улучшения социального благополучия кроется в «очищении верой» всех мусульман, их морально-нравственном самосовершенствовании. В своих речах он неоднократно выступал за воссоздание халифата во главе династией Османов по типу конфедерации, в рамках которой каждому народу гарантировалось бы полное равноправие. Одновременно М. Абдо указывал на преимущества европейской парламентской системы, принципы которой, по его мнению, были изначально заложены в мусульманском вероучении. Речь шла об умме – специфически мусульманской форме социальной, политической и религиозно-культурной общности.

Важным шагом в эволюции панисламской идеи можно считать возникновение международных организаций, пропагандировавших сплочение правоверных «под знаменами Аллаха». В 1949 году в Пакистане был основан Мусульманский мировой конгресс, поставивший перед собой задачу распространения ислама, сотрудничества в области разработки торговой политики (создание единого рынка), установления тесных контактов между исламскими странами на правительственном уровне, принятия общего арабского языка и законодательства, основанного на шариате. В 1962 году в Мекке была основана Мусульманская мировая Лига под эгидой Саудовской Аравии. В 1969 году, с подачи Эр-Рияда, начала действовать Организация мусульманской конференции. По ее инициативе были учреждены Исламский банк развития, Исламская образовательная, научная и культурная ассоциация (аналог ЮНЕСКО), Исламская академия юриспруденции.

В настоящее время пантюркизм и панисламизм составляют идеологический фундамент т. н. «международного терроризма», ставшего, в частности, своеобразным

ответом на военные акции НАТО в зоне Персидского залива. Оживлению ислама в его радикальной форме во многом способствует наличие здесь богатых месторождений нефти, экспорт которой позволяет вести антизападную агитацию через средства массовой информации, включая Интернет, обеспечивать экстремистские группировки современным вооружением, а также высококвалифицированными специалистами для осуществления различного рода терактов.

Литература

1. Жантиев С. Роль панисламистской доктрины в общественно-политической жизни Османской империи в период правления султана Абдул-Хамида II (1876-1909) <http://www.iaas.msu.ru/res/lomo04/relig/zhantiev.htm>
2. Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи /османизм – панисламизм/. – М., 1985. – 272 с.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ СОВРЕМЕННОМУ РОССИЙСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

На сегодняшний день по казачьей тематике защищено более 700 диссертационных работ. При этом составить полный списочный состав всех диссертаций, посвящённых казачеству сложно хотя бы потому, что во многих из них казачество является лишь одним из аспектов исследования. По данным автора с 1988 г., времени начала организационного оформления движения за возрождение казачества, и по конец 2011 г. только в Российской Федерации было защищено более 240 диссертационных работ, в число которых вошли исследования как непосредственно посвящённые казачеству, так и его видным представителям, литературным произведениям о казачестве и их авторам, историкам казачества. Наряду с историческими лидируют работы по юриспруденции, политологии, филологии, философии, социологии, педагогике и культурологии. Из них непосредственно современному казачеству посвящено не менее 38 диссертаций, среди которых более всего работ по политологии (не менее 12) и педагогике (не менее 11). При этом большинство работ посвящено, прежде всего, казачеству юга России [1].

Из работ, посвящённых вопросам общероссийского казачьего движения, можно выделить диссертацию Е.И. Котиковой «Социально-философские проблемы возрождения казачества», защищённую в Ставропольском государственном университете в 1997 г., в которой делалась попытка рассмотреть с точки зрения философии феномен возрождения казачества в логике его этнического возрождения, проблемы философского соотношения социального и правового статуса возрождающегося казачества [2]. В исследовании Шаповаловой Я.В. «Организационно-правовые основы возрождения российского казачества в постсоветский период» рассматривались юридические основы возрождения казачества, правовые проблемы формирования системы государственных органов, ведающих вопросами казачества. По мнению автора, привлечение казачества к выполнению обязательств по несению государственной и иной службы и предоставление им за это определенных льгот свидетельствовало о стремлении государства интегрировать казачество в государственный механизм [3].

Делая акцент в своей работе, прежде всего на рассмотрение политического измерения проблем казачества Юга России, А.А. Озеров в своей работе «Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ», в рамках концепции социального конструктивизма, исследует феномен возрождения российского казачества в контексте современных социально-политических процессов [4]. Один из основных выводов, который делает автор, состоит в том, что институционально-политический анализ «даёт возможность охарактеризовать место казачества в институциональных взаимодействиях современного российского общества, в частности с органами власти федерального, регионального и мест-

ного уровней, различными политическими и этнонациональными общественными объединениями, и проанализировать способы участия и роль казачества как группы интересов в современных политических процессах» [4].

В диссертационном исследовании на соискание учёной степени доктора социологических наук «Казачество в современном обществе: социологическое измерение (социальный опыт донского казачества)» В.П. Водолацкий, ставя цель рассмотреть становление и развитие казачества, а также исследовать специфику форм социальной интеграции в контексте налаживания диалога с гражданским обществом и государством, использует, прежде всего, материалы социологического исследования «Донское казачество как феномен культуры: опыт социологического исследования», проведённого в рамках проекта Южнороссийского филиала Института социологии РАН «Казачество как этносоциальный феномен современной России» [5]. Наиболее важные научные результаты работы и степень их новизны, как отмечает автор, «определяются тем, что в представленной диссертационной работе осуществлён системный анализ процесса становления и развития донского казачества, как представительной группы российского казачества в целом» [5].

При этом историками за всё это время было защищено не менее 154 диссертационных исследований (примерно, 125 кандидатских и 29 докторских). В динамике защит наблюдается два пика защит, первый из которых приходится на 1997-1999 гг., время активного вхождения казачьих организаций в государственный реестр казачьих обществ РФ и издания правовых актов, регламентирующих деятельность казачьих обществ. В течение этих трёх лет было защищено не менее 29 диссертаций. Второй пик приходится на 2004-2006 гг., время наиболее активного обсуждения в государственных, казачьих и научных кругах и принятия Федерального закона «О государственной службе российского казачества», когда было защищено порядка 42 работ, не менее 7 из которых докторские.

Диссертационные работы историков посвящены в основном традиционным темам дореволюционной истории казачества. Но в последнее время появляются исследования, рассматривающие различные аспекты истории казачества в XX в., в том числе, посвящённые непростым вопросам судеб казачества в годы революций и гражданской войны [6], попыток восстановления казачьих хозяйств в годы нэпа [7], эмиграции [8], логике отношений государства и казачества в 1930-е гг. [9], участия казачества во Второй мировой и Великой Отечественной войнах [10].

Одним из немногих исторических диссертационных исследований, посвящённых возрождению казачества на современном этапе, стала докторская работа Т.В. Таболиной «Проблемы современного казачества: 1980 – 1990-е годы», защищённая в 1999 г. [11]. В ней были проанализированы основные проблемы и противоречия, характерные для движения за возрождение казачества на первых этапах его становления и развития, вопросы, связанные с вхождением казачьих организаций в государственный реестр казачьих обществ.

Таким образом, к настоящему времени в рассмотрении современного этапа новейшей истории казачества определился круг проблем, чаще всего интересующих исследователей. К ним относятся региональные аспекты государственного становления казачества и формирования правового поля его развития; этапы возрождения казачьих сообществ в различных регионах с точки зрения политических и социальных

процессов, происходящих в стране; различные аспекты проявления традиционной региональной культуры и актуальность использования традиционного педагогического наследия казачества в современных условиях; институционально-политические проблемы интеграции в общественный организм; роль и место казачьих сообществ в системе местного самоуправления.

Литература:

1. См, например: Абакумов Ю.Н. Воспитание подростков на традициях донского казачества конца XIX – начала XX веков: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. М., 2000; Иванова Н.Н. Становление института местного самоуправления: На примере казачества юга современной России: автореферат дис. ... кандидата социологических наук. Новочеркасск, 2003; Кириченко А.С. Политико-административное регулирование и управление казачьими обществами юга России: На материалах Ростовской области: автореферат дис. ... кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2005; Прокопенко Е.Е. Самоуправление казачества в условиях демократизации российского общества: На материалах Кубанского и Терского казачьих войск: автореферат дис. ... кандидата политических наук. Ставрополь, 2006; Киблицкий А.А. Политическая самоидентификация донского казачества: технологический аспект: автореферат дис. ... кандидата политических наук. Ростов-на-Дону, 2003; Черненко И.А. Казачество как субъект регионального политического процесса: по материалам Краснодарского края: автореферат дис. ... кандидата политических наук. Краснодар, 2008; Лукаш С.Н. Воспитание подрастающих поколений в традициях и инновациях культуры казачества юга России: автореферат дис. ... доктора педагогических наук. Ростов-на-Дону, 2010 и др.
2. Котикова Е.И. Социально-философские проблемы возрождения казачества: Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 1997.
3. Шаповалова Я.В. Организационно-правовые основы возрождения российского казачества в постсоветское время: Дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2000.
4. Озеров А.А. Казачество в современном российском обществе: институционально-политический анализ: автореферат дис. ... док. полит. наук: 23.00.02 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов-на-Дону, 2006.
5. Водолацкий В.П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение (социальный опыт донского казачества): автореферат дис. ... док. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
6. Трут В.П. Казачество России в период революций 1917 года и на начальном этапе гражданской войны: автореф. дис. ... док. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Ткачёв Е.А. Терское казачество в годы революций и гражданского противостояния (1917-1923): участие, политические приоритеты, итоги: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005; Кравченко С.С. Казачье самоуправление в годы гражданской войны 1917-1920 гг.: на материалах Дона и Кубани: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Тарасов М.Г. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и годы Гражданской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
7. Жайбайлиева Л.Т. Эволюция зажиточных и предпринимательских крестьянских и казачьих хозяйств на Южном Урале в период нэпа (1921-1927 гг.): автореф. дис.

- ... канд. ист. наук. М., 2006; Богуцкий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917-1925 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Савельев В.А. Эволюция хозяйственных представлений крестьянства и казачества на Дону и Кубани в условиях новой экономической политики: 1921-1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
8. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая : 1920-1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции : 1920-1945 гг.: автореф. дис. ... док. ист. наук. Омск, 2007.
9. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: автореф. дис. ... док. ист. наук. М.. 2009.
10. Табунщикова Л.В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Курков Г.М. Кубанские и донские казачьи кавалерийские формирования в 1936-1945 гг.: историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Бурмагин А.Г. Участие кубанских казаков в составе советских кавалерийских соединений в Великой Отечественной войне: 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.
11. Таболина Т.В. Проблемы современного казачества: 1980 – 1990-е годы: дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИЭиА РАН, 1999.

РУССКИЕ РЕЭМИГРАНТЫ ИЗ КИТАЯ И СОВЕТСКАЯ РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА.

В начале 20-х г. XX в. на территории Китая образовалась многочисленная русскоязычная диаспора, которая состояла из переселившихся в Маньчжурию строителей и персонала КВЖД (Китайской Восточной железной дороги), а также участников «белого движения» и беженцев.

Первые попытки вернуть эмигрантов на Родину советское правительство стало предпринимать ещё в начале 20-х г., однако весь процесс реэмиграции из Китая в СССР растянулся до 60-х г. На протяжении столь значительного периода времени со стороны советских властей реэмигранты подвергались репрессиям. Данная проблема нашла отражение в ряде исследований современных отечественных историков [1, с. 80; 2, с. 84]. В представленной работе предпринята попытка проанализировать основные этапы и особенности репрессий в отношении эмигрантов, вернувшихся из Китая в СССР в 20-е – 50-е г. XX в.

Начало преследования переселенцев, вернувшихся из эмиграции на Родину в 1921 – 1927 гг., относится к рубежу 20-30 гг. Как правило, в это время реэмигранты подвергались уголовному преследованию в ходе борьбы с кулацкими восстаниями в начале коллективизации и получали обычно по 3-5 лет ИТЛ (исправительно – трудовых лагерей) [3, с. 117].

Помимо легально вернувшихся на Родину были и «нелегалы». За нелегальный переход границы или сокрытие истинного социального происхождения были осуждены несколько тысяч реэмигрантов. Часто под видом рядовых участников «белого движения» возвращались на Родину офицеры, но им не всегда удавалось скрыться от властей, т.к. они возвращались, как правило, в места своего постоянного проживания. Именно по этой причине в начале 20 – х г. прокатилась волна арестов среди вернувшихся из Китая офицеров «белого движения» [4, с. 51]. К середине 20-х г. большинство реэмигрантов и перебежчиков были подвергнуты судебному преследованию и лишены избирательных прав. Перебежчиками считались лица, на которых распространялись политические амнистии 1920 – 1921 г., но которые въехали в страну нелегально по причине не отрегулированной законодательно процедуры въезда [4, с. 52].

Новый этап репрессий начался в 30-х г. Он затронул представителей технической интеллигенции, вернувшихся в СССР после конфликта на КВЖД в 1929 г. и трудившихся на железных дорогах. С 1932 г. в стране поднялась волна шпиономании в отношении бывших работников КВЖД. К подобного рода делам можно отнести судебные процесс 1933 г. над «шпионской контрреволюционной группой Гальмукова», действовавшей, по мнению следствия, на Омской железной дороге. В 1933 г. в ходе ликвидации «белогвардейской повстанческой организации» по Западносибирскому краю прокатилась волна репрессий в отношении бывших белогвардейцев и казаков, при этом пострадало более 10 тыс. человек, в числе которых были и бывшие реэмигранты [3, с. 118].

«Харбинцами» или «квждинцами» в 30-х г. называли бывших служащих КВЖД, эвакуированных в СССР после продажи КВЖД. «Харбинцы» стали одним из объектов массовых репрессий второй половины 30-х г. Так называемая «харбинская операция» проводилась согласно приказу НКВД № 00593 от 20 сентября 1937 г., но отдельные репрессии в отношении бывших служащих КВЖД начались уже с осени 1935 г. в рамках кампании «разоблачения шпионов на транспорте» [1, с. 81]. В советской прессе в 1936 г. прокатилась волна публикаций, посвященных деятельности на территории СССР иностранных разведок, в том числе японской, которая использовала, в частности, эвакуацию советских граждан с КВЖД для вербовки агентуры. Например, статья в газете «Правда» «Подрывная работа японской разведки», опубликованная 9 – 10 июля 1937 г. В статье рассказывается о японских спецслужбах, их деятельности против Российской империи, а затем и Советского Союза. В статье прямо указывается на то, что среди вернувшихся на родину немало японских агентов, «среди этих отъезжавших также оказались люди, завербованные японской разведкой» [5, с. 5].

20 сентября 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00593, в котором было названо количество вернувшихся из Китая лиц, попавших под репрессию, – 25 тысяч человек [1, с. 81]. При реализации приказа аресту подлежали все лица из числа «харбинцев», служащих в Красной Армии, работавших в НКВД, в советских учреждениях, на транспорте, в промышленности и сельском хозяйстве. Расстрелу подлежали участники диверсионно-шпионских и террористических групп и антисоветские деятели. Остальные получали сроки от 8 до 10 лет лагерей. В категорию «харбинцы» попали помимо бывших служащих КВЖД все лица, вернувшиеся из Китая и причисленные к контрреволюционным элементам. Н. Н. Аблажей в своей работе «С востока на восток: Российская эмиграция в Китае» выделяет следующие подгруппы репрессированных «харбинцев»: 1. бывшие белые; 2. бывшие члены антисоветских организаций, политических партий; 3. участники фашистских организаций; 4. служащие в китайских войсках и полиции; 5. служащие в иностранных фирмах; 6. обучавшиеся в Харбине на интернациональных курсах (Интернационал, Прага, Славия); 7. нелегально въехавшие и состоящие в китайском гражданстве [3, с. 130].

«Харбинцы» обвинялись в работе на японскую и китайскую разведки. Репрессиям подвергались «харбинцы», занятые во многих отраслях хозяйства, в том числе и на железнодорожном транспорте. Среди арестованных железнодорожников отягчающим обстоятельством стало их поведение во время конфликта на КВЖД 1929 г. Отказ от добровольного самоувольнения означал пособничество японцам, а арест китайской полицией вследствие самоувольнения рассматривался как вербовка [3, с. 136].

По данным Н. Н. Аблажей, всего в ходе «харбинской операции» с сентября 1937 по ноябрь 1938 г. репрессировано было 42 507 человек, в том числе к расстрелу приговорено 28 348 человек [3, с. 133]. Столь значительное количество пострадавших объясняется волной репрессий во время «большого террора», захватившей и реэмигрантов 20-х г.

С началом Великой Отечественной войны возвращение эмигрантов на Родину было затруднено, т.к. проверка данных желающих переехать в СССР стала более длительной, к тому же возникли транспортные проблемы. Специально организованных репрессий в отношении реэмигрантов в эти годы не было. Однако все измени-

лось после освобождения Советской Армией Маньчжурии в 1945 г., где было арестовано и насильственно депортировано в СССР около 10 тысяч человек [6, с. 25].

Во второй половине 1945 г. начале 1946 г. в Китае работали сотрудники советских архивов. На основании собранных документов были составлены списки эмигрантов, а возвращающиеся на родину должны были пройти фильтрационный лагерь [7, с. 383]. Часть эмигрантов задерживалась после того, как выяснялись некоторые скрываемые ими обстоятельства из биографии. Помимо фильтрационных лагерей некоторые реэмигранты были задержаны за неосторожные слова или за критику советской власти [6, с. 28]. Например, случай, произошедший с Анатолием Ивановичем Зубером, приехавшим на родину в 1948 г. Работая на цементном заводе в г. Белово Кемеровской области, он сказал о костюмах, подаренных передовикам производства, которые стали распознаться по швам, что такие костюмы, самые дешевые, делаются специально для усопших, чтобы прилично выглядели при прощании. За это ему дали по 58 статье 10 лет за измену Родине [8].

Репрессии на данном этапе совпали с началом «холодной войны», однако следует отметить, что пострадавших было меньше, чем во время предыдущего этапа. Репрессиям подвергся почти каждый десятый от общего числа вернувшихся на Родину. Тем не менее, по мнению Н. Н. Аблажей, «нельзя не отметить, что большинство послевоенных репатриантов смогли избежать политических преследований на родине» [6, с. 28].

Некоторые эмигранты договаривались с теми, кто ехал в СССР, чтобы в письмах условными словами предупредили об опасности. Так в мемуарах В. А. Слободчикова приведены следующие примеры: «Волину писал друг из Ташкента: «Юра решил закаляться и поехал на север»; Юстине Крузенштерн писала подруга: Ваня с радостью поехал навестить отца (а было известно, что харбинец отец Вани отбывает срок в лагере на Крайнем Севере); Гантимурову писали: «Коля счастлив – он видит дядю Костю» (а харбинец дядя Костя был расстрелян в 1947 г.)» [9, с. 270]. В результате подобных писем многие эмигранты, собиравшиеся вернуться на Родину, изменили свое решение и остались в Китае или уехали в Австралию, США, Канаду и др. капиталистические государства. Лишь с началом заключительного этапа реэмиграции, начавшегося в 1954 г., прекратились преследования возвращавшихся и уже вернувшихся на Родину реэмигрантов.

Таким образом, репрессивную политику советских властей по отношению к реэмигрантам можно разделить на следующие этапы:

В 20-е г. XX в. репрессиям подвергаются отдельные реэмигранты.

Отсутствуют целенаправленные репрессии по отношению к вернувшимся из Китая. Преследуются переселенцы из Китая в основном из-за нелегального въезда или сокрытия данных своей биографии и социального происхождения, а также за антисоветскую деятельность.

В 1935 – 1938 г. репрессии начинаются с кампании по разоблачению шпионов на транспорте а затем переходят в целенаправленную репрессивную политику по отношению к реэмигрантам. Органами НКВД проводится «харбинская операция» и «дело РОВС». Репрессии получили широкий размах, количество репрессированных по «харбинской линии» с 1 января 1937 г. по июль 1938 г. составило 35943 чел. Общее количество репрессированных превышает 40 000 человек, обвиненных в пособничестве Японии и в антисоветской деятельности.

Послевоенные репрессии реэмигрантов 40 – начало 50-х гг.

Репрессии реэмигрантов являются результатом не целенаправленной кампании в отношении вернувшихся из Китая эмигрантов, а индивидуальным преследованием, нередко из-за неосторожности самих реэмигрантов.

На протяжении 20-х начала 50-х гг. реэмигранты подвергались репрессиям со стороны советских властей, однако целенаправленное преследование вернувшихся из Китая на Родину эмигрантов произошло единожды в результате «харбинской операции». Советское правительство, будучи заинтересованным в возвращении эмигрантов, больше не проводило специальных репрессивных компаний реэмигрантов. Нередко сами эмигранты давали повод для обвинений из-за сокрытия ими данных своей биографии или неосторожным высказываниям, критики советского строя и жизни в СССР.

На всем рассматриваемом периоде времени страх перед репрессиями присутствовал у многих эмигрантов, имел под собой серьезные основания. Это не могло не сказаться отрицательно на процессе реэмиграции из Китая в СССР. Только после исчезновения данной угрозы стало возможным возвращение русских эмигрантов на Родину в 1954 – 60 –х гг.

Литература:

1. Аблажей, Н. Н. Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85
2. Аблажей, Н. Н. РОВС и енисейское казачество // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 84–87
3. Аблажей, Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. / Н. Н. Аблажей. – М.: Логос, 2007. – 298 с.
4. Аблажей, Н. Н. Комиссарова Е.Н. Амнистия рядовых белогвардейцев и их репатриация из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49–52
5. Подрывная работа японской разведки // Правда. – № 188 (7154) – С. 5.
6. Аблажей, Н. Н. Русские эмигранты из Китая: репатриация, карательная политика и трудоустройство во второй половине 1940-х годов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4 (45). С. 24–35
7. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
8. Красноярск. Южанникова Марина Алексеевна, 2011 г.
9. Слободчиков, В.А. О судьбе изгнанников печальной...Харбин. Шанхай. / В.А. Слободчиков // – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431с.

ОБРАЗ ЯПОНСКОГО ВОЕННОГО В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война показала неспособность российской государственной системы противостоять серьезным для страны угрозам.

Оценка этой войны в российском обществе менялась на всем ее протяжении. Первые дни войны привели к всплеску патриотических настроений. Дальнейший неудачный ход боевых действий сделал ее обузой для народа. Военные события стали восприниматься более сдержанно, даже отрицательно. Это дало благодатную почву для использования военных неудач для антиправительственной агитации, проводившейся различными революционными организациями.

Таким образом, русско-японскую войну 1904-1905 гг. можно рассматривать как одну из причин Первой русской революции.

Отношение русского общества к русско-японской войне, ее восприятие, невозможно полностью раскрыть без представления образа японца, сложившегося в общественном сознании Российской империи накануне войны и под влиянием событий на театре военных действий.

Данной проблемой занимались Е.С. Сенявская, М. Ларюель.

Источниками данной работы послужили публикации российских периодических изданий начала ХХ в., материалы, собранные РГАВМФ, произведения В.И. Семенова «Расплата», Ф.П. Купчинского « В японской неволе».

Цель статьи – показать образ японца, сформировавшийся в российском общественном сознании под влиянием периодической печати опубликованных воспоминаниях участников событий русско-японской войны.

Уже на рубеже XIX – XX веков в России чаще стали публиковаться работы о Японии и японцах. Это было вызвано повышенным интересом к этой стране как сопернику в освоении Дальнего Востока. Большое количество информации представляли заметки людей, побывавших в Японии в разное время. Уже тогда в русской печати присутствовали отрицательные оценки японцев как нации.

В некоторых статьях прямо говорится о «желтой опасности», которая несет угрозу всему цивилизованному западному миру – Европе в первую очередь. Россия представлялась особым «буфером», который призван задержать нашествие «желтокожих макак».

В конце XIX в. в России была выпущена «Мемория о военных намерениях Японии против России в 1898, 1896 и 1897 г. По воспоминаниям, заметкам и материалам и о некоторых особенностях японской национальности.» В данной работе прямо указывается на незрелость японцев как нации: *«Отличительная особенность японской нации – полное отсутствие своего национального великого и поэтому подражательская способность должна была прогрессировать в ущерб творческой ини-*

циативе, которой так резко отличаются европейские и азиатские народы, в отличие от малайской группы народов, к которой, несомненно принадлежат японцы.» (курсив наш – С.П.) [1]

В документе отмечалось скрытность и хитрость японцев, а также их ненависть к европейцам, особенно англичанам, которые «не видят различий между японцем и обезьяной», но автор допускает возможность союза России и Японии с большими выгодами для последней. [1]

Автор «Мемории...» подполковник Будиловский и подобные ему авторы все и заслуги японской культуры приписывают блестящей способности японцев к перениманию наиболее выгодных им достижений иных цивилизаций.

«Японцы – великие подражатели», они не просто слепо копируют, но делают это обдуманно, тщательно выбирая только то, что им нужно, то, что может принести прямую пользу их народу. В процессе копирования они даже улучшают воспроизводимый объект.

Также подчеркивается, что привыбореобразца для создания своих вооруженных сил японцы выбрали Францию (сухопутная армия) и Великобританию (военно-морской флот). После поражения Франции в франко-прусской войне 1870-1871 гг., французских инструкторов в японских войсках заменили немецкие, а армия стала создаваться и вооружаться по немецкому образцу и с помощью германских заводов.

За основу формирования военного флота была взята английская военно-морская школа. Система подготовки личного состава была скопирована с британской, а многие офицеры (адмирал Х. Того – напр.) проходили стажировку на кораблях Королевского военно-морского флота Великобритании. В некоторых публикациях указывается, что японский флот стал своеобразной испытательной площадкой для английского судостроения.

В 1903 г., когда угроза войны стала явной, в российской прессе началась активная кампания по подготовке общественного мнения на случай открытия боевых действий. Газеты и журналы публиковали статьи и заметки в которых сравнивались боевые потенциалы русского и японского флотов, особенности стратегического положения, но все издания соглашались, что победа будет за Россией.

Одним из направлений было раскрытие угрозы «желтой опасности», исходившей от Японии. Например, в своих телеграммах газета «Котлин» заявляла: «Японцы хотят создать паназиатский союз. Надо предупредить о желтой опасности все народы Европы» [2, л. 3]. В то же время, данное издательство не отрицало частных успехов японцев в возможной войне, но не допускало их победы. Авторы отмечали, что русский солдат превосходит японца: «Да к тому же и личный состав! С одной стороны доблестные стойкие молодцы, а с другой какие-то пресмыкающиеся твари.» [6]

Боевые качества японских вооруженных сил до войны и в первый ее период оценивались крайне низко. Особое внимание уделялось боевому духу японских вооруженных сил и описанию экзотичных для европейца японских воинских обрядов (харакири – напр.).

Говоря о моральных качествах японцев, авторы публикаций отмечают, что это люди чести. Поэтому первый удар по порт-артурской эскадре, названный в западной прессе «образцовым», «новым словом в военной науке» и «отказом от догматов и косности прошлого» у нас называли не иначе как «воровским ударом» [3].

После этого события японцы часто рисовались как люди без чести, для которых предательство и подлая военная хитрость является обычным делом. Вместе с этим забывалось, что японские военные традиции не просто допускали, а одобряли использование разного рода военных хитростей по отношению к противнику, что успешное применение таких приемов для японца было таким же образцом доблести, как и открытый бой. Предательство же наоборот рассматривалось крайне негативно в японской культуре, основу которой составляла верность, как своему господину, так и своему государству. Одним из первых, кто выделил данную проблему перед русским обществом, был участник русско-японской войны В.И. Семенов, который в своей трилогии «Расплата» рассматривает особенности японского воинского менталитета.

В своей документальной повести В.И. Семенов выносит на суд общественности еще одно качество японцев – милосердие к пленным.

В.И. Семенов отмечает: жестокое обращение с пленными – это реалии японской жизни. Чем доблестней показал себя побежденный противник, тем больше мучений он заслуживает. Во время своего пребывания в плену, он отметил, что японским солдатам и офицерам приказали относиться к русским пленным «по европейски», не унижая их и не подвергая никаким мучениями пыткам [7, с. 126].

Большинство японцев восприняли этот приказ с трудом и при всяком удобном случае старались унижить пленных россиян. Так, например, русские пленные офицеры всегда имели дело с гораздо более младшими их по званию японскими военнослужащими. Россияне вынуждены были выполнять их приказы, что не могло сказаться на самолюбии военнопленных и их психологическом комфорте. Вместе с тем, японцы, главным образом офицеры, были подчеркнута вежливы к пленникам и старались их не игнорировать их просьбы, особенно высших чинов.

Ф.П. Купчинский отмечает частые случаи грабежей русских военнопленных японскими солдатами, если рядом не было офицеров. Также он говорит о добывании русских раненых пленных [4, с. 6].

Как и В.И. Семенов, Ф.П. Купчинский отмечает, что внешнее хорошее обращение с пленными было лишь игрой на публику, показухой для иностранной прессы.

После Цусимы оценка японцев в прессе резко меняется. Это обусловлено возросшим количеством публикаций, содержащих информацию, полученную от участников событий, переживших Цусимское сражение и пораженных его результатами. В газетах и журналах появляются публикации содержание которых противоположно содержанию номеров, выпущенных до начала войны и в первый ее период. Теперь японцы представляются такими же людьми, как и русские, даже превосходя последних. Главный акцент делался не на моральные качества солдат и офицеров, а на уровень их подготовки – японцы были обучены гораздо лучше россиян.

Таким образом, образ японского солдата, представленный в российской прессе начала рубежа XIX – XX вв. изменялся с течением боевых действий на Дальнем Востоке и последующей публикацией впечатлений и воспоминаний участников событий, которые показали, ошибочность мнений о нем в первые периоды войны.

Источники и литература:

1. РГАВМФ Ф. 9. Оп. 1. Д. 393. 13 л.
2. РГАВМФ Ф. 763. Оп. 1. Д. 417. Ед. хр. 12.
3. Воронежский телеграф. – 1904. – 19 февраля. – № 33.
4. Купчинский Ф.П. В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку. – СПб.: Издание П.А. Артемьева, 1906. – 268 с.
5. Ларюель М. «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века \\\ Русско-японская война 1904-1905ю Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – 656 с.
6. Политические горизонты \\\ Котлин. – 1903 – 19 декабря.
7. Семенов В.И. Расплата: Избранное в 2-х томах. – СПб.: изд-во «Гангут», – 2009. – Т. 2. – 386 с.
8. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

Байжума Гульнар Биляловна

Магистр исторических наук,
преподаватель кафедры истории
Казахстана Казахского Агротехнического
университета им. С.Сейфуллина

ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»

Как известно, на следующий год завершается реализация Плана мероприятий ГП «Культурное наследие». И хотя в Паспорте государственной программы как цель обозначено «обеспечение сохранности и эффективного использования культурного наследия страны», все 16 секций, в меру своих сил, выполнили и выполняют лишь первую часть вышеназванной цели. То есть первый этап в большей степени характеризуется собиранием и воссозданием историко-культурного наследия Казахстана. В этом плане сделано немало в области воссоздания памятников истории и культуры по научным исследованиям средневековых археологических городищ и поселений, собиранию письменных источников о казахстанике, находящихся в архивах и фондах библиотек мира, и выпуску изданий серий мировой исторической, философской, культурологической и художественной литературы на казахском языке.

Вместе с тем на данный момент, по мнению члена Общественного Совета ГП «Культурное наследие» Ауэзова М.М., наступает не менее важный этап — *этап наследования, освоения и использования* воссозданных ценностей во благо нашей государственности и духовного развития казахстанского общества. Более конкретно проблема заключается в том, что уже сейчас возникает необходимость работы над концепцией, технологией и методологией самого процесса наследования. Это многоуровневая задача, включающая исследовательские, организационные, методические, финансовые и т.д. вопросы. Считаем, что большинство изложенных выше аспектов на этапе наследования будут носить инновационный и творческий характер, т.к. данный уровень уже в большей степени будет определяться научно-поисковым и собирательным направлением.

Более того, нам необходимо аргументированно обосновать, нужно ли нам и в каком контексте будет максимально полезно наше историко-культурное наследие в грядущем информационном обществе, и как нам не растерять национальные ценности в условиях глобализации. Ответы на вызовы эпохи в ракурсе историко-культурного наследия далекие не легкие, и лежат они не только в научной плоскости, но и общенациональной идеологии. По большому счету, нам предстоит, в этом плане, восполнить то, что было не обозначено в общенациональной Стратегии — 2030. Как известно, там нет «вечного» приоритета — культуры.

Естественно, выстраивание концептуальных и программных основ процесса наследования (причем уже на долгосрочную перспективу) очень сложный вопрос, требующий создания специальной рабочей группы. В данной статье мы ограничимся своими предложениями по одному из рабочих принципов-

механизмов, на наш взгляд, придающих динамику содержательность будущему процессу наследования.

Прежде всего, сама проблема наследования актуализирует внедрение программно-целевой системы дальнейшей реализации ГП «Культурное наследие». То есть, из всего выявленного на первом этапе пласта историко-культурного наследия следует вычлениить наиболее значимые ценности и мероприятия по принципу их историко-культурной проблемности на сегодняшний день и резонансности в перспективе. И это перекликается с Посланием Главы государства, где сказано: «Необходимо продолжить реализацию программы «Культурное наследие» и через осмысление прошлого всемерно развивать культуру настоящего времени».

Для эффективного достижения целей дальнейшего развития Программы, в контексте наследования, необходимо руководствоваться государственной грантовой системой финансирования авторских проектов. Это даст следующие, на наш взгляд, преимущества:

- стимулирует свободу творческой инициативы исполнителей;
- повысит их персональную, коллективную ответственность и отдачу в реализации значимых идей;
- создание при данной схеме конкурентной среды позволит осуществить поиск и селективный отбор как заявленных, так и инновационных авторских проектов;
- сконцентрировать средства и усилия на прорывных приоритетах.

О грантовом механизме реализации. Представляется возможным двухуровневая процедура представления на грант проектов на этапе дальнейшей реализации ГП «Культурное наследие». Первое, потенциальным исполнителям и авторам необходимо представить всесторонне обоснованный проект (концепция + ТЭО) для заключения на предмет реализации в Экспертную рабочую группу. Второе, после положительной оценки последней Исполнитель защищает его перед Общественным Советом государственной программы на соответствие комплексу критериев (они предлагаются ниже). Протокольное решение Общественного Совета должно быть основой для получения гранта у администратора программы финансирования. Это и будет осуществлением общественного контроля за целевым использованием средств, а также исключит лоббирование частных и отраслевых интересов.

Таким образом, принцип формирования и расходования бюджета Программы на этапе наследования «снизу», исходя из обоснованных параметров и ожидаемых конкретных результатов и возможностей исполнителей, позволит более «точному» и адекватному выделению государственных средств авторам и исполнителям, а не промежуточным институтам, издательствам и т.д.

Чтобы достичь желаемых результатов по наследованию исторических и духовных ценностей, необходимо уже на старте определить следующую стратегию:

- целесообразно выделить интегрально-базовый приоритет – формирование новой общенациональной системы изучения, освоения и пропаганды культурно-исторического наследия. Данная формулировка делает возможным рассмотрение и логическую реализацию в виде подпрограмм – а) ресурсное и институциональное обеспечение, б) собственно практическая и творческая реализация *авторских идей* по

наследованию, включая создание общенационального универсального фонда изданий, ценностей;

- применить критериально-культурологический подход ко всей системе наследования. Т.е., смысловое оценивание не только конкретного содержания наличного историко-культурного опыта, но и формирования прогресса по наследованию;
- межотраслевое взаимодействие задействованных в реализации Программы по наследованию институтов, учреждений.

На наш взгляд, из всех вышеназванных подходов сложным является выработка критериально-культурологического механизма, цель которого – придание социального смысла и исторической перспектив и инициативам по наследованию, работающим на общенациональную культурно-духовную самодостаточность.

Важность определения культурологических критериев оценки на старте реализации ГП на этапе наследования имеет решающее значение в плане эффективного достижения социальных результатов, и в плане селективного, обоснованного выявления действительно востребованного обществом, конечного, интеллектуального, продукта наследия.

На мой взгляд, критериально-культурологический подход необходимо применить на двух уровнях. На уровне обозначения общих критериев оценки и как внутренний инструмент целенаправленного выявления интеллектуальной емкости содержания мероприятий и идей по наследованию.

Все проекты должны соответствовать следующему комплексу внешних и внутренних критериев.

1. Ориентация на культурно-исторические притязания и запросы страны.
2. Как интегративный показатель уровня культурного развития индивидуума и нации.
3. Толерантность культурно-исторического наследия.
4. Самопрезентативность (самодостаточность) наследия в общемировом культурно-историческом пространстве.
5. Идеологичность, воспитание у граждан чувства гордости и патриотизма.
6. Как индикатор стимулирования общенационального диалога.
7. Максимальная доступность к необходимым духовным ресурсам и ценностям, достигнутым в ходе реализации Программы по наследованию.

Приступая к характеристике внутренних критериальных механизмов необходимо предварить их общеметодологическими принципами. К общенациональной и межотраслевой Программе по наследованию целесообразно применить следующие позиции:

- принцип культурологического универсума (всеобщность и необходимость), то есть мероприятия, должны быть социально обоснованы и оправданы в контексте общенациональной идеи, отвечать духовным ожиданиям казахстанского общества. Одновременно необходимость проектов должна быть обусловлена текущими и долгосрочными программами социально-экономического развития республики;

- системно-интегративный принцип, то есть возможность сопряжения и решения организационных, технологических, культурологических, социально-политических и финансовых аспектов Программы в относительно едином режиме;
- принцип сопоставимости методов реализации и результатов различных блоков Программы в плане достижения общих целей.

Собственно к внутренним критериальным механизмам и индикаторам, реализующим разноплановые мероприятия, можно отнести:

- разработку общей системы мониторинга содержательности и качества реализуемых мероприятий;
- комплексный подход, позволяющий учесть все блоки Программы, аккумулировать общие проблемы и «точечно» направлять интеллектуальные усилия и финансовые средства на решении узловых моментов;
- выработку организационно-методической междисциплинарной схемы координации и взаимодействия;
- научное прогнозирование приоритетов для принятия оптимально сбалансированных решений;
- разработку культурологической матрицы (шкалы), позволяющей селективно определять и оценивать количественные и качественные, актуальные и статичные индикаторы общего процесса наследования и конкретных результатов;
- наличие экспертно-аналитической структуры, обосновывающей внесение необходимых изменений и измеряемых параметров в Программу по наследованию и осуществляющей функции научного диагностирования и оценки мероприятий;
- моральное и материальное стимулирование исполнителей путем объявления национального конкурса по номинации – инновационность.

В целом думается, что комплексное и системное применение всех выше изложенных инструментов принесет культурологический смысл и обеспечит востребованность бесценного наследия обществом. Критериально-содержательный же модуль и межотраслевой формат будущей Программы по наследованию дадут возможность обоснованно выстроить общенациональную политику культурно-исторического развития страны.

Литература:

1. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Послание Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева народу Казахстана. – Алматы, 2005.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – Москва, 2004.

ОСОБЛИВОСТІ КОРЕКЦІЇ ДИТЯЧИХ СТРАХІВ

У статті розглянуто проблему дитячих страхів та причини їх виникнення; а також окреслено способи вияву та подолання дитячого страху.

Ключові слова / Key words: страх / the fear, дитина / the child, батьки / the parents.

Постановка проблеми та актуальність дослідження: сучасний план суспільного розвитку передбачає всебічний та гармонійний розвиток особистості. Відтак особливої уваги фахівців, педагогів, психологів, соціологів і.т.д потребує питання дослідження особливостей дитячого віку. Адже саме цей життєвий період є фундаментальним у становленні людини. На процес формування особистості дитини впливають багато факторів та все частіше увагу фахівців привертає питання дитячих страхів.

Мета статті: дослідити особливості корекції дитячих страхів.

Аналіз наукових досліджень. Дитячі страхи у випадку нормального розвитку є важливою ланкою в регуляції поведінки дитини і загалом мають позитивний адаптаційний зміст. Якщо ж загальна сума страхів обмежує дитину певними засобами реагування та взаємодії із зовнішнім світом, що виключає інші можливості, то може виникнути стан психічного напруження, безпорадності, абсолютного безсилля. Враховуючи актуальність проблеми, дитячі страхи досліджували: А. Адлер, А. Божович, В. Вілюнас, Л. Виготський, В. Гарбузов, Р. Грановська, О. Запорожець, О. Захаров, К. Ізард, Н. Карпенко, І. Нікольська, М. Осоріна, Р. Пацлаф, О. Петрунько, А. Прихожан, А. Співаковська, А. Фрейд, З. Фрейд, Е. Фромм, та ін. Ці дослідники розглядають страх як базову, одну з ранніх емоцій людини, яка відіграє велику роль, оскільки виконує ряд важливих для життя функцій.

На думку російських учених Р. Грановської та І. Нікольської, психологічна допомога та підтримка дитини, яка має надмірний вияв страху по відношенню до оточуючого середовища «базується на знанні багатьох факторів, і, перш за все, на розумінні її проблем, специфіки внутрішнього світу та поведінки. Для того щоб набути такі знання, необхідно вивчати дітей не за книгами (як це, на жаль, дуже часто буває), а постійно знаходитися з ними в живій і творчій взаємодії» [4, с. 150].

Страх – це емоційна реакція сприйнятої загрози, що забезпечує захисний механізм виживання попереджаючи людину про небезпеку. Слабкі або помірні реакції страху вважаються нормальними і адаптивними, що спонукає людину до обережності в дійсно небезпечних ситуаціях. Термін «страх» часто вживається як синонім терміну «тривога». Страх буває реальним і уявним, гострим і хронічним. Прийнято виділяти також вікові страхи, поява яких найчастіше збігається з певними змінами у житті дитини [10, с. 15].

Дитячі страхи – це емоційні реакції дітей на ситуації чи об'єкти, які сприймаються ними як загрозливі. Дитячі страхи викликають у дітей дискомфорт, збудження, бажання уникати об'єкта страху або ховатися. Діти, які до школи не набули необхідного досвіду у спілкуванні з дорослими і однолітками, не впевнені у собі, бояться не виправдати очікування дорослих, відчуваючи страх перед значущими дорослими [10, с. 21].

Фобія – це незрозумілий страх, який викликається не реальною небезпекою, а уявною. Напади **фобічного страху** бувають настільки сильними, що часто переростають у паніку і супроводжуються такими психічними явищами, як дезорієнтація і почуття нереальності [10, с. 24].

Страх є базовою емоцією людини. Дорослим і дітям властиво боятися темряви, деяких тварин, певних природних явищ тощо. Страх, як і інші неприємні переживання не є однозначно «шкідливим» для дитини. Будь-яка емоція виконує певну функцію і дозволяє орієнтуватися в предметному та соціальному середовищі. Так, страх захищає людину від зайвого ризику, регулює діяльність, поведінку, відводить від небезпек, можливості отримання травми. У цьому виявляється головна, захисна функція страхів. Дитячі страхи – це звичайне явище для розвитку особистості. Вони посідають особливе місце в життєвому досвіді дитини, яка починає освоювати навколишній світ і своє місце в ньому. На думку О. Петрунько «діти потребують емоцій і відчуттів (у тому числі й неприємних) значно більше за дорослих» [5, с. 49].

За даними А. Адлера, О. Захарова, М. Осоріної, З. Фрейда, А. Фрейд та інших науковців, перші природні страхи виникають у дитини в 2-3 роки. На думку представників психодинамічного напрямку, здатність переживати страх, а також механізми психологічного захисту, які допомагають уникати страху чи його долати, передаються людині у спадок. Завдяки цим механізмам дитина здатна убезпечувати себе в ситуаціях, які кваліфікуються її мозком як небезпечні, тобто такі, що становлять загрозу життю, здоров'ю, комфортному самопочуттю тощо.

За умов нормального опрацювання дитячі страхи, виконавши свої захисні, соціалізувальні та інші функції, зникають разом із дорослішанням дитини. Проте за певних умов страхи набувають стійкого характеру. Сильні та стійкі страхи згодом можуть трансформуватися у невроз страху, що є патологічним станом, при якому у дитини з'являються і закріплюються психічна напруга, скутість, безініціативність, пасивність, замкнутість відчуженість тощо, замість значно більш природних для дитячого віку відкритості, безпосередності, захоплення життям, радості буття. Так, В. Гарбузов, аналізуючи специфіку дитячих страхів, зазначає, що за всіма страхами дитини стоїть неусвідомлюваний або усвідомлюваний страх смерті. Про період переходу дошкільника в молодший шкільний вік він говорить, що в цьому віці малюк осягає свою безпорадність і складність навколишнього світу, він починає задумуватися про смерть. Виникають питання: «А я не помру? А ти, мамо, не помреш?». Страх смерті природний для людини. Цей страх – корінь усіх страхів. Дитина може боятися Бабу Ягу, вовка і незнайому людину, боятися багатьох об'єктів, мати багато різноманітних страхів, але за цим стоїть одне – страх загибелі. Для нормального проживання, а згодом і зживання таких страхів, дитина має бути впевнена, що її емоції розділяють, проживають разом з нею [10, с. 92].

Процес соціалізації страху у дитини значною мірою зумовлений найближчими

дорослими, які застосовують різні техніки. Так, К. Ізард вважає, що «розумний підхід повинен включати в себе виховання деякої частки толерантності до страху, навчання прийомам протистояння йому, а також розвиток навичок уникнення небезпечних стимулів або зниження їх інтенсивності. Позитивний приклад батьків – це найефективніший спосіб навчання дитини конструктивним взаєминам з емоцією страху». Для початку треба зрозуміти, що для кожного віку характерний свій страх. Всі діти чогось бояться. Це їм властиво з народження. Їх лякають гучні звуки, голос незнайомої людини і навіть вираз її обличчя. Малюкам страшно залишатися довго без мами, їм неприємні сварки та крики при з'ясуванні відносин між батьками [3, с. 98].

Страх дитині вселяє усе незрозуміле і загрозове. Діти до року можуть боятися незнайомих людей (чи рідних, які з'явилися перед дитиною в незвичайному виді, наприклад, у форменому одязі). У 2-3 роки у малюка виникає страх перед лікарями, боязнь темряви. У 3-4 роки уява дитини розвивається особливо бурхливо. Звідси страхи цього віку – боязнь фантастичних істот (Вовка, Бармалея, чудовиськ з книжок, які переносяться фантазією малюка в реальне життя). У 6-7 років у дитини є сформована картина світу, тому його страхи реальніші і обґрунтовані: боязнь смерті, хвороб, природних ситуацій і катаклізмів [3, с. 99].

Проаналізувавши праці фахівців, можна виокремити такі види страхів:

– Нав'язливі страхи – ті, які малюк відчуває за певних обставин.

– Надцінні страхи – ті, які колись відповідали конкретній ситуації, але потім вийшли з-під контролю.

– Маячні страхи, причину яких встановити неможливо (особливо в сукупності з невротичними симптомами – нав'язливими рухами, заїканням та ін.).

Найбільш зрозумілою причиною дитячих страхів і фобій може стати якийсь конкретний випадок. Наприклад, малюка налякав собака, відтак він боїться собак, ледве не потонув у морі – панічно боїться води. Поштовхом для появи страху іноді стає дитяча фантазія. Завдяки їй, персонаж казки або фільму може «ожити» і налякати малюка. Розлади в сім'ї, часті сварки батьків (особливо якщо дитина стає їх свідком) примушують малюка відчувати свою провину за конфлікти і відчувати себе їх причиною [2, с. 45].

Усі страхи дитини виникають з тієї соціальної ситуації, в якій вона живе. З. Фрейд наголошував, що страхи темряви і самотності частіше з'являються і досягають хворобливої гостроти у тих дітей, чії матері тривожні. Діти чуйно вловлюють материнське занепокоєння, сприймають його як обґрунтоване (адже мати для малюка найбільший авторитет) і намагаються з'ясувати, що ж її тривожить. Дитячий страх у даному випадку – переосмислена тривога матері. Навпаки, якщо мама впевнена в собі і налаштована оптимістично, її діти рідше і в меншій мірі відчувають страхи. Часто за страхами малюка стоїть страх його мами перед необхідністю виходити на роботу. Якщо жінка з якихось причин не хоче працювати, несамостійна, ні на хвилину не відпускає дитину від себе, маля виявляється «ідеальним» приводом уникнути неприємної перспективи. Несвідомо мама починає тим чи іншим чином підкріплювати страхи дитини [7, с. 50].

Сильні страхи відчувають діти, які ростуть на руках у декількох жінок одразу: не тільки в мами, але і у бабусь, тіток, няньок. Рідше і в меншій мірі до страхів схильні ті малюки, у яких є постійна дитяча компанія. Однак, якщо дошкільник ба-

гато спілкується з дітьми старшими за віком, раптове загострення страхів може бути викликано страшними історіями, які молодші школярі дуже люблять розповідати один одному і якими не проти полякати молодших.

Провокує дитячі страхи і підвищена батьківська опіка. Надмірною турботою дорослі мимоволі підкреслюють слабкість і беззахисність дитини. Дитина не набуває навичок самостійного поведінки. У неї немає можливості переконатися, що вона може сама подбати про себе і надати собі безпеку. Іноді дітей робить похлившими непослідовна виховна робота батьків, їх постійні коливання настроїв, невпевненість у правильності своїх дій. Дитина в цьому випадку не може сприймати батьків, як надійну опору. Загалом, варто тільки батькам розібратися зі своїми почуттями і налагодити спокійну атмосферу в сім'ї – страхи дитини зникають.

Діти старшого дошкільного віку починають усвідомлювати велич реально-го світу і обмеженість своїх можливостей. За допомогою емоцій вони намагаються передати інформацію про події в їхньому внутрішньому світі. Відомо, що емоції – це переживання свого особистого ставлення до дійсності, а також переживання стану, що виникає у процесі взаємодії з навколишнім середовищем. Саме тому дорослим слід бути уважними, щоб не пропустити той сигнал, який посилає дитина, яка намагається позбавитися страху, адже таким чином вона просить підтримки. Належна психологічна підтримка – це створення доброзичливої атмосфери, відчуття спокою та впевненості у своїх силах, що в свою чергу сприяє зниженню тривожності та гостроти переживань.

Підтримка та допомога дитині у подоланні страхів не має обмежуватися лише роботою педагога або психолога безпосередньо з дитиною. Така робота має здійснюватися у тісній взаємодії з сім'єю. За даними О. Захарова, далеко не всі страхи дітей потрапляють у сферу уваги дорослих, членів родини, а особливо батька. У кращому випадку, це кожен другий страх, і тут багато залежить від особливостей сприймання батьками страхів дітей. Коли страхам не приділяється належної уваги або коли вони відкрито заперечуються дорослими, може скластися враження, що кількість їх менша, ніж це є насправді. Зазвичай, чутливіші до визначення страхів батьки, володіють достатньою емоційністю і вразливістю, а також тривожно-недовірливими рисами характеру. Так О. Захаров стверджує, що найкраще ідентифікуються ті страхи у дітей, які були в дитинстві у самих батьків. Це:

1. Страх смерті батьків (у батьків у дитинстві страх смерті своїх батьків);
2. Страх покарання (у батька в більшій мірі);
3. Страх висоти, глибини і темряви (більш виражено у матері);
4. Страх зробити щось не так, неправильно, кудись не встигнути і т.ін. [2, с. 57].

Перш ніж допомагати дітям у подоланні страхів, важливо з'ясувати, які саме страхи вони переживають. Страхи, які проявляються в поведінці дитини, відображають далеко не повну картину її внутрішніх переживань. Тож з'ясувати весь спектр страхів можна лише за умови уважного ставлення до дитини, спостереження за її самопочуттям і поведінкою, регулярних бесід з дитиною в умовах стосунків довіри та емоційного контакту з нею. Саме такі стосунки мають стати сімейною традицією, втім як і традицією взаємин дитини з дорослим у міжособистісних і соціальних контактах. Випадки страхів у підлітковому віці говорять про відсутність належної допомоги в більш ранньому – молодшому шкільному й особливо дошкільному віці, коли страхи

найбільш успішно піддаються психологічному впливу, оскільки більше обумовлені емоціями, ніж характером, і багато в чому носять віковий, мінущий характер. У всіх випадках успішність усунення страхів залежить від знання їх причин та особливостей психічного розвитку конкретної дитини.

Найбільш адекватний варіант поведінки дорослого, який прагне допомогти дитині впоратися зі страхом – ставлення до страхів без зайвого занепокоєння та фіксації, читання моралі, засудження і покарання. Якщо страх виражений слабо і проявляється інколи, то краще відволікти дитину, зайняти цікавою діяльністю, пограти з нею у рухливі, емоційно насичені ігри, вийти на прогулянку, покататися на санках, лижах, велосипеді тощо. В такому випадку багато страхів розсіюються, як дим, якщо до того ж дитина відчуває підтримку, любов і визнання дорослих, їх стабільну і впевнену поведінку. Отже, чим більше інтересів у дітей, тим менше страхів, і, навпаки, чим більш обмежене коло інтересів і контактів, тим більша фіксація на своїх переживаннях, уявленнях і страхах.

Головним фактором, який є перешкодою на шляху до позбавлення дитини від страхів, може стати неблагополучний нервово-психічний стан самих батьків і конфлікти в сім'ї. У цьому випадку необхідна попередня допомога власне батькам і нерідко всій родині в цілому. Недосказаність шкідлива в ситуації розлучення батьків. Малюкові треба на доступному рівні пояснити, що відбувається в сім'ї, і чого йому слід чекати, до чого готуватися. Якщо батько чи мати після розлучення не планує відвідувати дитину, не можна вселяти малюкові надію на можливість побачень. Але ні в якому разі не можна підривати віру дитини в те, що обоє батьків його люблять. Віра дошкільняти в те, що батьки його люблять, повинна бути непохитна. Мама і тато можуть карати, можуть ображатися, можуть їхати, навіть можуть померти, але в будь-якому випадку вони будуть любити дитину – в це він повинен вірити безумовно. Ця віра – основа його психічного здоров'я [4, с. 235].

Появі страхів можна запобігти. Кращий засіб для подолання фобій – спокійна, дружня і гармонійна обстановка в родині. Повинно бути якомога менше заборон. Так, замість того, щоб постійно зупиняти малюка, приборіть за межі його досяжності усі небезпечні предмети, і дружньою посмішкою, теплим словом заохочуйте його спроби пізнати навколишній світ [2, с. 215].

Окремо варто поговорити про книги, кіно і мультиплікаційні фільми. Час перегляду малюком телепередач треба скоротити до мінімуму. Дитина до 5-6 років не повинна бачити сцен насильства і жорстокості, катастроф і стихійних лих [5, с. 316].

Висновки. Страх – одне з найсильніших почуттів, яке людина відчуває у житті. Багато страхів має коріння у підвалинах дитинства – порі, яка впливає на все подальше життя людини. Ось чому необхідно приділяти увагу гармонійному, спокійному, вираженому процесу дорослішання особистості. Страх є базовою емоцією, яка необхідна для становлення та нормального функціонування психіки. Більшість дитячих страхів має природний і тимчасовий характер, а їх зміст обумовлений віковими особливостями дитини. Страх, з одного боку, оберігає дитину від необдуманих і ризикованих вчинків, а з іншого – він здатний поглинати життєву і творчу енергію дитини, слугувати причиною невпевненості і підвищеної тривожності, гальмувати розвиток особистості.

Головна роль дорослих має полягати в тому, щоб допомогти дітям, які не здатні самотужки впоратися з власними страхами, конструктивно їх пережити й успішно долати. Дорослому слід проживати страхи разом з дитиною, показуючи свою підтримку, адже дитині необхідно відчувати, що її розуміють і не залишать сам на сам зі страхом чи будь-яким іншим переживанням. Своєчасна та доцільна психологічна підтримка, надана дитині, допоможе запобігти трансформації природного страху у патологічний.

Наше дослідження не вичерпує усіх аспектів подолання дитячих страхів, проте може слугувати підґрунтям для подальших наукових розвідок.

Література:

1. Гарбузов В. Практическая психотерапия, или Как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье / Под ред. Э. Коваленко. – СПб.: АО «Сфера», 1994. – 158 с.
2. Захаров А. И. Неврозы у детей и психотерапия. / Александр Иванович Захаров – СПб.: Союз, 1998. – 336с.
3. Изард К. Психология эмоций / В. Мисник (пер. с англ.), А. Татлыбаева (пер.с англ.). – СПб.; М.; Нижний Новгород; Воронеж; Ростов н/Д; Питер, 2008. – 460с.
4. Никольская И. М. Психологическая защита у детей. / И. М. Никольская, Р. М. Грановская – СПб.: Речь, 2001. – 507с.
5. Петрунько О. Діти і медіа: соціалізація в агресивному медіасередовищі / О. В. Петрунько: монографія. – 2-ге вид. – Ніжин : ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2011. – 480 с.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / Современный гуманитарный ун-т / В. Помогайбин (ред.), В. Гавришук (сост.). – М. : Издательство СГУ, 2000. – 669 с.
7. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей – Изд-во «Союз», СПб, 2000. – 415 с.
8. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: Психологическая природа и возрастная динамика. – Москва-Воронеж, 2000. – 318 с.
9. Луговская А. Если малыш боится. – М. :Изд-во ЭКСМО- Пресс, 2001. – 64 с.
10. Пов'якель Н.І. Психологія дитячих страхів. – К.: Шк. світ, 2011. – 128с.

КРИТИЧНЕ МИСЛЕННЯ ЯК ЗАСІБ УНИКНЕННЯ ШАБЛОНІВ МИСЛЕННЯ, ЯКІ ВИНИКАЮТЬ У ПРОЦЕСІ ПРОФЕСІЙНОЇ РЕФЛЕКСІЇ

Актуальність дослідження. Рефлексивна компетентність є базовим елементом і в той же час фактором розвитку професійної компетентності, особистісного і професійного розвитку. Розвиток дій виявлення, фіксації, аналізу, співвіднесення, оцінювання та інших навичок та вмінь критичного мислення сприяють формуванню рефлексивних вмінь (компетенцій) та оволодінню механізмом рефлексії загалом. Застосування когнітивних методик (прийомів, технік, методів критичного мислення) допомагає уникнути шаблонів мислення, які виникають під час роздумів про своє професійне життя, самоаналізу, рефлексії і викликають негативні емоції, переживання, призводять до загострення проблем, заважають розвитку рефлексивної компетентності.

Мета дослідження. Дана робота має на меті дослідження як шаблонів мислення, що виникають під час рефлексивного аналізу власного професійного життя та викликають негативні емоції, переживання, призводять до подальших проблем, так і опис прийомів, технік та методів критичного мислення, які допомагають їх уникнути.

Ключові слова / Keywords: професійна рефлексивна компетентність / professional reflexive competence, критичне мислення / critical thinking, шаблони мислення / mental stereotypes, техніки критичного мислення / critical thinking techniques.

Виклад основного матеріалу. Формування рефлексивної професійної компетентності передбачає оволодіння механізмом рефлексії та відповідними рефлексивними компетенціями. Дослідники по-різному трактують поняття «рефлексивна компетентність» (С.Ю. Степанов, В.О. Метаєва, Н.П. Максимченко, Н.М. Гумірова та інші), проте суть його зводиться до наступного: професійна компетентність – це складна, інтегративна, професійна якість спеціаліста, що характеризує ступінь засвоєння сукупності рефлексивних компетенцій та проявляється в готовності та здатності професіонала ефективно і творчо здійснювати професійну діяльність завдяки володінню знаннями, вміннями, досвідом і наявності професійно значущих особистісних якостей. У сучасних дослідженнях рефлексивна компетентність представлена як акмеологічний феномен, який сприяє досягненню найвищих результатів у діяльності, та визначена як мета компетентність, що завдяки знанню і володінню механізмом рефлексії сприяє адекватному розвитку всіх інших видів професійної компетентності (соціально-особистісної, комунікативної, загальнонаукової, інформаційної, управлінської, економічної тощо) [2, с. 15; 4, с. 42].

Зрозуміло, що самовиховання у себе здатності до самопізнання, коли особистість самостійно ставить перед собою відповідну мету і завдання і своєю власною працею досягає її, є найефективнішим під час формування і розвитку

рефлексивної компетентності, проте не слід забувати, що досить часто необхідність у самопізнанні виникає, коли спеціаліст виявляє невідповідності між очікуваним і реальним результатом власної професійної діяльності. Рефлексія активізується також у результаті критики адміністрації, колег тощо. Тому рефлексивний аналіз професійної діяльності може супроводжуватися надмірними негативними емоціями, переживаннями, і як наслідок, не приносить успіху, вести до невдач. Щоб зробити такий аналіз конструктивним і дійсно рефлексивним необхідно уникати шаблонів мислення, що виникають у процесі роздумів і викликають негативні емоції та переживання, призводять до нових труднощів.

Перейдемо до короткого огляду найбільш розповсюджених стереотипів. Ми вже зупинялися на цьому питанні у минулих дослідженнях [5]. По-перше, це загострене усвідомлення та хворобливе сприйняття власних недоліків. Дійсно, усвідомлення власних слабких сторін є невід'ємною складовою прагнення до досконалості, але останні мають сприйматися тверезо. «Чесність, гумор, співчуття і терпіння» (П. Вайцванг) допомагають в цьому. Хворобливе ж сприйняття власних недоліків тісно пов'язане з вибіркоким абстрагуванням, іншими словами, надмірною концентрацією на власних невдачах, поразках, судженням про себе як про фахівця тільки за власними похибками, слабкими сторонами.

По-друге, це персоналізація, а саме самопереконавання та постійне відчуття спеціаліста, що він постійно знаходиться у центрі уваги колективу, а особливо його помилки, що саме і тільки він є причиною невдач у власній практиці.

По-третє, це неадекватна апеляція до минулого при прогнозуванні майбутнього, «катастрофізація», коли прогнозування гіршого таки справджується, а саме очікування чогось поганого емоційно виснажує.

А також хворобливе порівняння, тобто звернення уваги тільки на ті відмінності, які є не на власну користь, безоглядне прийняття негативної критики зі сторони.

Чому ж саме розвиток критичного мислення допомагає уникати даних шаблонів. «Критичне мислення» – це умовна назва наукового типу мислення. Коло проблем при вирішенні яких воно може бути практично застосоване є доволі широким, серед них життєві, професійні, проблеми особистого характеру тощо. Критичне мислення – це одна з характеристик наукового мислення, котре виносить правильні судження, оскільки базується на критеріях, саме себе виправляє (самовдосконалюється), враховує контекст [8, с. 3]. Критичне мислення, з однієї сторони, виявляється в проведенні суб'єктом глибокого аналізу, узагальненні, прийнятті чи запереченні інформації у результаті оцінювання, тобто в усвідомленому застосуванні інформації, а з іншої сторони, воно передбачає вимогливе оцінювання власних думок, ретельну перевірку власних суджень, тобто самокритичне ставлення до власних дій [6, с. 292; 7; 3, с. 171]. Критичне мислення самостійне (Д. Клустер, М. Ліпман); соціальне (Д. Клустер); таке, що враховує контекст (М. Ліпман); цілеспрямоване (А. Кроуфорд, Д. Макинстер, С. Метьюз); інформація є відправним, а не кінцевим його пунктом (Д. Клустер); критичне мислення починається з формулювання питань, виявлення проблем (Д. Клустер); його результатом є судження (М. Ліпман); воно спирається на логіку, надійну, правдиву інформацію, котра збирається з багатьох джерел (А. Кроуфорд, Д. Макинстер, С. Метьюз); воно обґрунтоване, тобто тяжіє до переконливої аргументації (Д. Клустер, Д. Халперн); контрольоване (Д. Халперн); і що дуже важливо,

йому притаманний аналіз процесу прийняття власних рішень, вироблення суджень (А. Кроуфорд, Д. Макінстер, С. Метьюз); воно саме себе виправляє та самовдосконалюється (М. Ліпман, Р. Пауль).

Логічні прийоми, техніки, методи критичного мислення систематизують мислинневий процес, роблять його більш продуктивним, допомагають розвивати необхідні навички та вміння. Зрозуміло, що під час рефлексивного аналізу власної професійної діяльності застосовуються такі загальновідомі методи наукового мислення, як аналіз, синтез, зведення, індукція, дедукція, порівняння, аналогія, вибудовування ідеї, рефлексія. Техніки критичного мислення направлені на пошук слабких, вразливих місць в явищах, фактах, ідеях, своїй власній мислинневій роботі, вони спонукають до вироблення більш глибоких, обґрунтованих тверджень, до усунення прогріч, помилок, пошуку нових ідей. Це допомагає контролювати свої думки та емоції, мінімізувати стресові стани.

Які ж саме техніки ми маємо на увазі? Так, якщо спостерігається тенденція до хворобливого сприйняття власних недоліків, вибіркового абстрагування, то корисним є ведення «щоденнику успіхів та досягнень».

При схильності до персоналізації (схильності все відносити на власний рахунок) допомагає визначення всіх можливих причин незадовільного результату, гра у власного захисника.

Що ж до неадекватної апеляції до минулого при прогнозуванні майбутнього («катастрофізації»), то варто відмітити, що далеко не завжди те, що було справедливим, допустимим і доречним у минулому буде таким завжди. Пам'ятаючи це, необхідно проводити аналіз, уточнювати всі факти, які можуть вплинути на кінцевий результат. Корисними є техніки сумніву (привнесення невпевненості в правильності катастрофічних прогнозів), заперечення (наполегливе фіксування відсутності підстав для катастрофічних прогнозів, чи їх недостатності), інверсії (акцентування уваги на самій можливості й протилежного, принаймні, більш оптимістичного сценарію розвитку подій, подальше обґрунтування даної точки зору), доведення до абсурду (суть полягає у формулюванні низки абсурдних умовиводів із запропонованого твердження, з чого, відповідно і робиться висновок про помилковість останнього).

Критичний аналіз фактів, самоінструктаж, гра у власного захисника, техніка сумніву допомагають при хворобливому порівнянні, безоглядному прийнятті критики зі сторони.

Варто зазначити, що в будь-якому випадку необхідно вчитися контролювати власні думки, прибігаючи до технік визначення значення слів, вироблення альтернативних думок, почуттів, дій, релаксації.

Висновки. Наші думки можуть як спростити проблемну ситуацію, так і загострити її, перетворити на вкрай складну та небезпечну. Розвиток критичного мислення, оволодіння та застосування його технік підвищує потенціал інтелектуальної діяльності, сприяє розвитку рефлексії та є умовою продуктивної професійної діяльності.

Література

1. Вайцванг П. Десять заповідей творческої личности. Перевод с англ. Вступ. ст. В.С. Агеева. – М.: Прогресс, 1990. – 190 с.

2. Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. – М.: Изд-во РАГС. – 1998. – 250 с.
3. Загальна психологія: підручник. / О.В. Скрипченко, З.В. Огордійчук та ін. – К.: Либідь, 2005. – 464 с.
4. Метаева В.А. Акмеологическое значение рефлексии // Вестник ОГУ. – апрель 2007. – №4. – С. 42-44.
5. Пастухова М.О. Рефлексивна педагогічна компетентність. Психологічні труднощі та шаблони мислення у період адаптації молодого викладача. // «Перспективні напрями педагогічних і психологічних наук»: Збірник наукових робіт учасників міжнародної науково-практичної конференції: (1-2 березня 2013 р., м. Одеса). – Одеса: ГО «Південна фундація педагогіки», 2013. – С.23-25.
6. Терно С. Критичне мислення: чергова мода чи нагальна проблема. / С. Терно // Історія в школах України. – 2007. – №4. – С. 13-15.
7. Технології розвитку критичного мислення учнів./ Кроуфорд А., Саул В., Метьюз С., Макінстер Д.; наук. ред., передм. О.І. Пометун. – К.: Пляда, 2006. – 220 с.
8. Lipman M. Critical thinking: What can it be? Institute of Critical Thinking. Resource Publication, 1988. Series 1. #1. 12 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Ключевые слова: компьютерная зависимость/computer addiction, Интернет-зависимость/Internet addiction, игровая психологическая зависимость/game psychological addiction

Актуальность. Сегодня компьютерные технологии занимают первое место по темпам развития среди других отраслей. Человек в современном мире постоянно взаимодействует с компьютером – на работе, дома, в командировках, на отдыхе. Компьютеры стремительно вторгаются в нашу жизнь и занимают в нашем сознании лидирующую позицию. Люди сами уже не осознают, что стали одержимы этим изобретением.

Вместе с появлением компьютеров появились компьютерные игры, которые сразу же нашли большое количество почитателей. В обществе формируется целый класс фанатов компьютерных игр. Общение с ними показывает, что многим из них увлечение компьютером отнюдь не идет на пользу, а некоторые серьезно нуждаются в психологической помощи. Большинство из них – люди с психологическими проблемами: отсутствием личной жизни, низкой самооценкой, потерей смысла жизни. Единственной ценностью для них является компьютер и все, что с этим связано.

Важно то, что большинство людей могут даже не осознавать своей зависимости. Поэтому основная работа психолога состоит в том, чтобы помочь человеку понять, что его психическое здоровье под угрозой.

Цель: исследование психологических особенностей зависимости человека от компьютерных игр и Интернета. Объект исследования: зависимость от компьютерных игр и Интернета; предмет исследования – психологические факторы, влияющие на развитие компьютерной зависимости.

Изучением компьютерной зависимости занимались К. Янг, В.А. Лоскутова, А. Холл, И. Голдберг, Н.И. Алтухов, К.Ю. Галкин, Д. Парсонс, М. Орзак.

Формирование правильного диагноза относительно компьютерной зависимости часто осложняется отсутствием официальных критериев для определения степени привязанности к Интернету или компьютерным развлечениям. К. Янг приводит четыре симптома компьютерной зависимости:

- навязчивое желание проверять электронную почту;
- постоянное ожидание следующего выхода в Интернет;
- жалобы окружающих на то, что человек проводит слишком много времени за компьютером;

- жалобы окружающих на то, что человек расходует слишком много денег на деятельность за компьютером [5, с.133].

К. Янг разработала опросник из восьми вопросов, который является модификацией критериев диагностики патологического влечения к азартным играм.

Краткий тест, с помощью которого можно определить степень зависимости от Интернета:

1. Чувствуете ли Вы себя озабоченным Интернетом (думаете ли Вы о предыдущих он-лайн сеансах и предвкушаете ли последующие)?

2. Ощущаете ли Вы потребность в увеличении времени, проведенного в Сети?

3. Были ли у Вас безуспешные попытки контролировать, ограничить или прекратить использование Интернета?

4. Чувствуете ли Вы себя усталым, угнетенным или раздраженным при попытках ограничить или прекратить пользование Интернетом?

5. Находитесь ли Вы он-лайн больше, чем предполагали?

6. Были ли у Вас случаи, когда Вы рисковали получить проблемы на работе, учебе или в личной жизни из-за Интернета?

7. Случалось ли Вам лгать членам семьи, врачам или другим людям, чтобы скрыть время пребывания в Сети?

8. Используете ли Вы Интернет для того, чтобы уйти от проблем или от дурного настроения (например, от чувства беспомощности, виновности, раздраженности или депрессии)? [5, с.134].

Клиент считается Интернет-зависимым в случае пяти или более положительных ответов на эти вопросы.

К. Янг также создала опросник из двадцати вопросов, который называется «Тест на Интернет аддикцию» и базируется на критериях диагностики компульсивного гэмблинга и алкоголизма. Доктор В. Лоскутова сделала перевод теста и адаптировала его для русскоязычного населения [5, с.134].

Родоначальниками психологического изучения феноменов зависимости от Интернета могут считаться два американца: клинический психолог К. Янг и психиатр И. Голдберг. Еще до того, как приобрел широкую известность и популярность

Интернет, психологи уже заговорили о зависимости от компьютеров.

«Интернет-зависимость» – это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечениями. Основные пять типов, которые были выделены в процессе исследования, характеризуются следующим образом:

1. Киберсексуальная зависимость – непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом.

2. Пристрастие к виртуальным знакомствам – избыточность знакомых и друзей в Сети.

3. Навязчивая потребность в Сети – игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах.

4. Информационная перегрузка (навязчивый web-серфинг) – бесконечные путешествия по Сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам.

5. Компьютерная зависимость – навязчивая игра в компьютерные игры (стрелялки – Doom, Quake, Unreal и др., стратегии типа Star Craft, квесты) [6, с. 2].

Зависимые от компьютера испытывают дистресс как минимум в одной из пяти сфер: социальной, профессиональной, учебной, финансовой или физической. Проблемы всегда возникают как следствие зависимости от компьютера и пренебрежения различными аспектами жизни взамен на виртуальную реальность.

Определен ряд факторов, которые делают Интернет привлекательным, как средство ухода от реальности и получения удовольствия, то есть аддиктивным агентом. Первый из них — это уход в виртуальную реальность. Бурная жизнь в сети легко заменяет реальное существование: люди там влюбляются, ссорятся, радуются и волнуются легче и чаще, чем в реальном мире. Выделено восемь свойств виртуала:

непривыкаемость, фрагментарность, объективированность, спонтанность, измененность статуса телесности, измененность статуса сознания, измененность статуса личности, измененность статуса воли [5, с. 36].

Исследования показывают, что формирование игровой психологической зависимости проходит четыре стадии [5, с. 44].

1. Стадия легкой увлеченности. После того, как человек поиграл один или несколько раз в ролевою компьютерную игру, он начинает «чувствовать вкус», так как компьютер позволяет ему с максимальным приближением к реальности достичь своей мечты.

2. Стадия увлечения. Фактором, который свидетельствует о переходе к этому этапу, есть появление иерархии новой потребности — компьютерной игры.

3. Стадия зависимости. Эта стадия характеризуется не только сдвигом потребности на нижний уровень пирамиды потребностей, но и другими, не менее серьезными изменениями — в ценностно-смысловой сфере личности.

4. Стадия привязанности. Эта стадия характеризуется угасанием игровой активности человека, сдвигом психологического содержания личности в сторону нормы. То есть человек «держит дистанцию» с компьютером, однако полностью оторваться от психологической привязанности не может.

Доказано, что компьютерная аддикция формируется иначе, чем другие виды зависимостей.

Например, развивается она намного быстрее, чем другие аддиктивные расстройства. По данным К. Янг 25 % больных приобрели зависимость на протяжении полугода после начала работы с компьютером, 58 % – в течение второго полугодия, 17 % – через год [5, с. 52].

Н. И. Алтухов и К. Ю. Галкин выделяют следующие признаки и симптомы компьютеромании [5, с. 55]:

- изменение актуального психического состояния в сторону эйфории при контакте с компьютером или «предвкушении» контакта;
- исчезновение контроля времени, проводимого за компьютером;
- стремление к увеличению времени взаимодействия с компьютером;
- раздражение, угнетенность, ощущение «пустоты» при невозможности контакта с компьютером;
- использование компьютера или игровой приставки для изменения актуального психического состояния со знака «-» на знак «+»;
- возникновение проблем во взаимоотношениях в микросоциальных группах;
- вегето-висцеральные признаки (сухость глаз, запоры, исчезновение аппетита).

Таким образом, подавляющее большинство исследователей отмечают патогенный характер компьютерной зависимости.

Интернет сам по себе нейтральное средство, изначально предназначавшееся для научно-исследовательских и военных целей, однако сейчас проблема вреда Интернета достаточно серьезна. Феномен Интернет-зависимости проходит новые стадии с развитием компьютерной индустрии и заслуживает всестороннего изучения. За проявлениями зависимости от Интернета нередко скрываются другие аддикции или психические отклонения. Зависимые от Интернета пользователи нуждаются в квалифицированной психологической помощи.

В связи с ростом численности людей, у которых наблюдается Интернет-зависимость, первостепенной задачей психологов является разработка новых методов диагностики и коррекции аддиктивного поведения.

Список литературы

1. Войскунский А.Е. Исследования Интернета в психологии / А.Е. Войскунский // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова. – М., 2002. – С. 235-250.
2. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета / А.Е. Войскунский // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. – М., 2000. – С. 100-131.
3. Краснова С. В. Как справиться с компьютерной зависимостью / С.В. Краснова,
4. Н. Р. Казарян, В.С. Тундалева и др. – М.: Эксмо-Пресс, 2008. – 89 с.
5. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость – патология XXI века? // В.А. Лоскутова *Вопр. ментальной медицины и экологии.* – 2000. — Т. VI. – № 1. – С. 11-13.
6. Юрьева Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография / Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Ботьбот. – Днепропетровск: Пороги, 2006. – 196 с.
7. Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость / К.С. Янг // *Мир Интернет.* - 2000. – № 2. – С. 24-29.

Makukhin P.G.

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Social Communication department of Omsk State Technical University.

PROBLEM OF SCIENTIFIC STATUS OF PHILOSOPHY IN THE LIGHT OF OBJECTIVITY RETHINKING AS A PROPERTY OF KNOWLEDGE IN NON-CLASSICAL POST-NON-CLASSICAL AND SCIENCE

Keywords: subjectivity, intersubjectivity, and objectivity as the properties of knowledge, operational and value-targeted aspects of knowledge, subjectivity of modern scientific knowledge.

Introduction. For all post-socialist cultural space, including the Eastern Europe, a set of issues related to the status of philosophy remains highly relevant for the second decade already. Does it represent the world, personal experience, a set of views, a kind of art or still the knowledge? And if it is knowledge, is it personal, national or universal? Subjective, inter-subjective or objective? And if it is objective, is it scientific? Or is it alternative scientific, or super-scientific (meta-), or vice versa, under-scientific, which has not yet become scientific, or, in principle unable to become? While the Marxist philosophy understood philosophy as scientific knowledge about the objective, the most general laws of life, society, and thought which, respectively, provided a basis for the organization of its teaching by analogy with the other disciplines, one of the major arguments in the post-Soviet philosophy against this is the thesis of determination of various philosophical concepts by personal characteristics of their authors. Absolutizing the importance of «subjective principle», the opponents of the scientific status of philosophy oppose it to science as a reference subjectless knowledge. Therefore, one of the major problems seems to be a new substantiation, associated with the modern transition of philosophy and science to a new form of certainty, and preservation of the tradition of determining the status of philosophy as specific, but still a science. Therefore, the object of this paper is the scientific status of philosophy in the context of understanding the objectivity as the property of scientific knowledge in general, and the subject is the status in the light of understanding of the objectivity of modern science as becoming through subjectivity. It is important to take into account the remark of V.A. Lektorskiy that the «objects of objects and meanings embodied therein (including ... scientific, philosophical and other texts) exist objectively, but still assume the individual subjects (with their subjective world) and collective subjects» [1, p. 137].

1. Classical traditions and modern Russian debate about the objectivity of philosophy.

A.L. Nikiforov was one of the post-Soviet authors who provided the most detailed and substantiated arguments about subjective nature of philosophical statements. He treated philosophy as «personal experience», a kind of world view, which «has never been, is not, and hopefully will not be a science» [2, p. 53], i.e. when the scientific knowledge is impersonal and intersubjective, not keeping any trace of personality of the scientist, the «philosophy is subjective and personal,» [3, p. 323]. By «removing» the «mark of personality» of the philosopher, for example, in an effort to make philosophical work pseudoscientific, you

«destroy the work itself» [3, p. 324]. «No one will write the «Dialogues» of Plato, the «Creative Evolution» of Bergson for the second time» [3, p. 324], and so on. This brings the philosophy to the art. They also have a similar purpose, which implies «the formation and expression of his personal view of the world, his personal relationship to the world; that is the supreme duty of the philosopher» [3, p. 324], the implementation of which is required by all social groups, similar by outlook to a particular thinker, but not having enough time and skills for conscious formalization of his vision of the world. Therefore, there «has never been a consensus virtually on any issue, let alone there has never been a philosophical concept, which would recognize most of the philosophers» [4, p. 22] in philosophy. This position is steadily reproduced in the domestic literature of the last two decades, for example, by P.V. Alekseyev, recognizing that «the results of philosophizing are closely linked with the personality» [5, p. 147]. According to A.I. Tyshchenko, the philosophy is «often (especially in some of its aspects)... deeply personal» [6, p. 12]), as well as determined by social status of the thinker; it is «subjective»: in a class society it is class-based, reflects and expresses the position and interests of classes and other social communities» [6, p. 12], and many others. Reflecting on this argument in the historical series, we see that it goes back to the domestic debate of the beginning of this century, many participants of which justified in details that philosophical knowledge is different from the scientific one first of all by importance of the subjective, personal aspect and determination by the national character. We'd like to focus particularly on N.A. Berdyaev, P.S. Yushkevich and M.N. Yershov. The first one asserted that «philosophy is an art, not a science» [7, c. 269], and although he stipulated that he means a «special art ... the art of cognition» [7, c. 269], nevertheless put an emphasis on the subjectivity of the latter, because philosophy «involves a special gift from above» [7, c. 269], and it «imprints the identity of the creator not less than poetry and painting» [7, c. 269]. P.S. Yushkevich calls for «distinguishing between the core... philosophical intuition, fed by the source of our intimate «I», and a ... shell, a philosophical superstructure of cognitive type, designed to identify and justify the intuition» [8, p. 159], and the pseudo-scientific nature of the latter (superstructure) creates a false impression of scientific nature of philosophy in general. This, according to P.S. Yushkevich, brings the philosophy to literature as a subjective area. M.N. Yershov indicates that philosophical systems represent a product of «personal genius» of the thinkers, and therefore «the typical features... characterizing the philosophy as distinct from science, is the determination of philosophical constructs by national constitution, their dependence on the national characteristics of philosophers» [9, p. 104].

In addition, this position has deep global roots, developed by different thinkers from different epochs, including I. Fichte, A. Bergson, F.W.J. Schelling, F. Nietzsche, A. Gueye et al. The motto suggested by the first of them, «The man determines his philosophy» was later repeated by many thinkers. For example, F.W.J. Schelling pointed out that «the one who convinced that he has not reached the righteousness in the philosophy, that is, what, in fact, he had to reach, this one constantly feels diminished in his moral dignity, and, certainly, it is said quite right, that the man determines his philosophy» [10, p. 258]. A. Bergson called the idea of the link between the doctrine of any thinker and his contemporary era an «illusion», «the philosopher could have been born many centuries earlier; he would have had to deal with philosophy and science; ... he would have formulated his thoughts differently; ...but still he would have said the same thing» [11, p.

168], i.e. the personality of the philosopher is primary. F. Nietzsche said that «every great philosophy» was «the self-confession of its creator, something like memoirs, wrote by him against his will and unbeknownst to himself; ... the moral (or immoral) purposes in every philosophy are a genuine living seed from which each time the whole plant grows» [12, p. 244]. A. Gueye explains the existence of different schools of philosophy by the fact that «the philosophers have different views of the same world; the genuine differences between philosophers precede their philosophical doctrine» [13, p. 13].

However, we can not ignore the opposite tradition in philosophy self-determination that goes back to Aristotle and evaluate the phenomenon of culture as a universal reference «science of the sciences», in terms of showing the relation of being objective and through it tending to objective knowledge in its strictest scientific form.

2. Objectivity as a characteristic of knowledge in the light of non-classical and post-non-classical scientific rationality. Appealing to the thought of I. Kant that the emergence of antinomies indicates the need to review the grounds of the dispute, such an incorrect base can be the improper reduction of science as such to a historically limited classical image. This gave rise to a significant part of criticism against the philosophical claims to objectivity of its provisions. Hence, the main counterargument against allegations of subjectivity of the philosophical knowledge is an indication of the abstract nature of the claim about complete impersonality of the latter, because the contemporary philosophy of science recognizes the indispensability of the moments of subjectivity in scientific cognition. Thus, according to N.I. Martyshyna, today it is important «to understand how the objective knowledge, which can not be called subjectless, grows in this imposition of subjective impulses» [14, p. 40], and therefore «not only the subject-related, but also the subjective is in opposition to the modern understanding of objectivity not as something alien, but dialectically, as «its other» [14, p. 38]. This objectivity transformation is the most obvious in the example of increasing importance of the operational aspect of scientific knowledge. As shown by V.S. Stepin, the «common sense» of the scientist era of classical rationality required the removal of everything not related to the properties of the object of cognition beyond reflection in order to achieve objectivity. «In the classical period the objectivity of knowledge was associated with the ideas of a peculiar parallelism between thinking and knowable reality» [15, p. 202], and «if you clear your mind... then ideally the concepts and ideas generated by the mind must adequately correspond to the studied reality» [15, p. 202]. Within the framework of non-classical type of scientific rationality the connection between the nature of knowledge and nature of operational activity means was realized; «in contrast to the classical models, the validity of theories in quantum-relativistic physics implied the explication of operational basis of the introduced system of concepts» [15, p. 191]. As to the post-non-classical type of scientific rationality, according to V.S. Stepin, in addition to the correlation of knowledge with the means of cognitive activity, it also considers its relation to the value-target structures; «the ideal of value-neutral research is transformed; the objectively true explanation and description with reference to the «human-size» objects not only allows, but also involves the incorporation of axiological factors among the explanatory provisions» [15, p. 198], which results in the «need for explication of links of the fundamental intrascientific values (search for truth, the growth of knowledge) with non-scientific values of the general social nature» [15, p. 198]. It is the latter that help to solve the moral issues, such as the

permissible limits of intervention to the object [15, p. 198]. In other words, according to V.S. Stepin, the fact that science is focused on an objective knowledge of the world «does not mean that the personal moments and value orientations of the scientist does not play a role in his scientific work and do not affect its results. The process of scientific knowledge is determined not only by peculiarities of the object under study, but also by numerous factors of socio-cultural nature» [15, p. 108-109]. O.V. Letov similarly analyzes the problem of the objectivity of scientific knowledge as an example of such trends in the philosophy of science, as postpositivism and social studies of science and technology, the representatives of which, he said, «have made some contribution to the formation of the so-called postnonclassical picture of the world» [16, p. 47], and concludes that «they see the objectivity... as a result of the analysis of types and forms of knowledge» [16, c. 58], studying «not the thing explored by the subjects of knowledge, but the way they do it, the methods they use» [16, p. 58], so the «modern epistemology is unlikely to be fully out of the account of the personal factor in scientific knowledge» [16, c. 47]. This reduces the radicality of the next opposition, which took place in the Russian debate of the 90s'. «In philosophy, unlike science, the starting point is the subject and in science it is the object at the maximum elimination of the subject» [17, c. 57], «the purpose of science is the knowledge of the object taken by itself, out of touch with the person. And the philosophy is interested in something (whatever it was) right in connection with a person» [6, c. 12] etc.

Conclusion. The overcoming of understanding of scientific knowledge as a simple «mirror of nature» which happened in the 20th century gives more reason for evaluation of philosophy as a specific, but still science. On the basis of everything considered, we can conclude that a subjective nature of philosophical knowledge does not exclude the possibility of its unique objective value, but on the contrary, it can be a way to support the same, which removes the categorical opposition of philosophy to the science in terms of achievement of universal objective nature of its provisions.

Литература:

1. Лекторский, В. А. Объективное // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Мысль, 2010. – С. 137.
2. Никифоров, А. Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. – 1989. – №6. – С.52-62.
3. Никифоров, Л. А. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? : Многообразие вненаучного знания. – М.: Политиздат, 1990. – С. 296-326.
4. Никифоров, А. Л. Природа философии: Основы философии. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 168 с.
5. Алексеев, П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. – М.: МГУ, 1983. – 343 с.
6. Тыщенко, А. И. О гносеологическом статусе философского знания // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 1992. – № 3. – С.10-18.
7. Бердяев, Н. А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 255-534.
8. Юшкевич, П. С. О сущности философии // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. – М.: Политиздат, 1990. – С.151-167.

9. Ершов, М. Н. Влияние личности философа на философское построение // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. – М. : Политиздат, 1990. – С.103-106.
10. Шеллинг, Ф. В. И. Философия откровения. Т. 1. – СПб. : Наука, 2000. – 699 с.
11. Бергсон, А. Философская интуиция // Избранное : Сознание и жизнь. – М. : Рос-сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 164-180.
12. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1996. – С. 238-406.
13. Цит. по: Ойзерман, Т. И. Философия как история философии. – СПб. : Алетейя, 1999. – 448 с.
14. Мартишина, Н. И. Когнитивные основания паранауки. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 1996. – 187 с.
15. Степин, В.С. Цивилизация и культура. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.
16. Летов, О.В. Проблема научной объективности: от постпозитивизма к социальным исследованиям науки и техники // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. – 2012. – № 4. – С. 47-59.
17. Философское сознание: драматизм обновления. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с.

Николаишвили Э.О.
(Протоирей Отец Николай)
Гелатская Духовная Академия,
г. Кутаиси, Грузия

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В БОГЕ ИЛИ В МЕГА-ВЫЗОВАХ ВСЕЛЕННОЙ

Our terrestrial life is a kind of great and eternal portal. Earthly life is difficult, multiform and full of obstacles. In this short period we should manage to see the real face of the world, perceive it appropriately, get to know ourselves, see yourselves in the universe and vice versa.

Keywords: God, Humanity, Word mega challenges.

„Наше земное бытие – это преддверие к чему-то великому и вечному. Земная жизнь сложна, полна противоречий и многообразна. За это короткое время мы должны успеть увидеть реальный образ вселенной, правильно воспринять его и, главное, мы должны познать самого себя. Увидеть себя и мир не в отдельности друг от друга, а друг в друге: себя – во вселенной, и вселенную – в самом себе. Вот то, к чему мы должны стремиться“.
Католикос Патриарх Грузии Илья II

Сегодня весь мир стоит перед множеством интересных и глубоких вызовов, результаты которых возвестили миру о начале новой, беспрецедентной эпохи в истории человечества – эпохи постмодернизма. Человечество должно примириться с качественно новой реальностью. На повестку дня встала необходимость глубинных изменений существовавших ранее традиционных отношений между государствами и народами.

Сегодняшнее наше бытие требует от общественности выработки правильной позиции по отношению к множеству острых проблем и их разумного решения.

Следует отметить то обстоятельство, что основной причиной, обуславливающей необходимость преодоления всех проблем, является забота о спасении человечества и его благосостоянии.

Сегодня, как никогда прежде, для благосостояния общества необходим правильный детальный, глубокий и разумный анализ создавшейся ситуации.

Для общества большое значение имеет познание самого себя, познание до тех глубин, которые с наибольшей точностью позволят определить точку отсчёта и вектор пути к Господу; помогут до конца осознать то, что мир дан ему лишь для обожения, что главная ценность каждой личности, созданной по образу и подобию Господа, – это стремление к Господу. Поэтому для человека во всём мире огромное значение имеют правильные ориентиры, дефицит которых явно ощущается в современном обществе. Созданные в мире новые ситуативные сети требуют управления процессами, характерными для сверхсовременного периода, и их правильного урегулирования синергетическим путём. Истинные взаимоотношения между государством и Церковью под главным девизом: «Бог, Отчизна и Человек» являются большим достоянием и достижением человечества.

Под углом глобальной, всеобщей угрозы и международного сотрудничества в мировом масштабе должна быть пересмотрена проблема, которая мешает сотрудничеству между государствами и благосостоянию народов, стабильности их развития.

Сегодня актуальность проблемы состоит в правильном понимании роли и значения веры и Церкви в деле урегулирования происходящих в мире процессов, в осознании того, что адаптация любого явления связана с процессами современной глобализации. Весь мир становится всё более глобальным, всё более стремится к единым стандартам, принципам и ценностям; мир приступил к решению вопроса формирования общепланетарной институционализации.

Христианство во все времена стояло перед вызовами, однако современная постмодернистская эпоха выделяется своими мега-вызовами.

Главная суть постмодернизма состоит в том, что видение действительности, опирающееся на то или иное религиозное направление, признаётся неверным, поскольку, по их мнению, ошибаются все, кто считают, что знают истину; даже атеисты ошибаются, так как утверждают что-то, например, то, что Бога не существует. Прав только тот, кто никого не судит.

Для такого мышления уже не существует правильного и неправильного. Просто есть система, для которой важно не то, является ли тот или иной принцип верным, а то, насколько он сегодня действен и выгоден.

В этой системе считается, что сам человек определяет всё, и хорошо всё то, что ему пожелается. Поэтому необходимо не исправление личности, а изменение его мышления.

Всем известно, что у Земли, у Вселенной есть свои законы, и это – реальность. Современное мышление же утверждает, что не существует общего объёма и что это придумано нами. Поэтому ты можешь по собственному желанию признавать или не признавать любое явление, считать его существующим или не считать таковым.

Необходимо снять табу со всего! Нужно снять нравственные ограничения прошлого, всё хорошо, что мне хочется и что мне приятно! Но при оценке должен соблюдаться один обязательный принцип – не должны нарушаться чужие права, особенно, права меньшинства. Это закон. Приблизительно таково то мышление, которое пытаются утвердить сегодня... (Церковь никогда не нарушала чьих-либо прав и не призывала к их нарушению, к притеснению кого-либо!).

Ведь и так ясно, что свобода выбора ценна в том случае, когда выбор делается между разными ценностями, если же нет разницы, то и право на выбор теряет смысл.

Главная причина не в том, что секулярная идеология представила личность как существо, не зависимое от Бога; она поставила на пьедестал человека, отягощённого грехами, и всё подчинило его инстинктам, желая тем самым осуществить легитимацию его низменных страстей и склонностей, и, ссылаясь на индивидуализм, лишило его моральных и духовных ориентиров.

Это – борьба, которая по всем направлениям ведётся против традиционных взглядов, воспитания и нравственности. [3]

Исходя из вышесказанного, основная суть моей статьи состоит в попытке оказать общественности определённую помощь в поисках своей цели и истинного пути осуществления этой цели. Путь решения проблем в следовании учению Иисуса

Христа, всегда заботящегося о боговдохновенном, гармоничном развитии общества: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня“ (Иоан.14.6). [1] Именно это учение должно быть основной концепцией, парадигмой, моделью для народов мира. Общество, стоящее именно на этом – и только на этом пути, – сможет достичь гармоничного сочетания духовных и материальных благ, соединения (синергии) божественной воли и человеческих стремлений, сможет победить смерть и обрести вечную жизнь.

На основе данного учения актуальность статьи рассчитана на её масштабность, и она окажет обществу содействие в правильном восприятии роли и значения Церкви с опорой на обучение Библии, в осознании того, что Церковь призывает каждого, всё общество, всё человечество к соблюдению и воплощению Божественного нравственного Закона во всех сферах общественной жизни (социология, экономика, право, бизнес, экология, наука, воспитание и образование, культура, искусство, семья, здравоохранение, масс-медиа, международные отношения и др.).

Церковь заботится о том, чтобы показать каждому индивиду, народу, государству, человечеству в целом, что все пункты познания этих путей даны в библейском учении, что жизнь и история каждого человека, народа, государства и всего человечества, любое время, место, обстоятельство и сфера их существования и развития происходят из Библии.

Церковь и её учение играют решающую роль в том, чтобы мировоззрение, восприятие, познание человеческого мира имело правильное, богоугодное направление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Священное Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, Тифлис, Типография Главного управления наместника Кавказского, 1879.
2. Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Грузии Илья II о науке, образовании, культуре и искусстве, Тб., 2004. С.26.
3. Рождественская эпистола Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха Грузии, Архиепископа Мцхета-Тбилиси и митрополита Пицунды и Цхум-Абхазети Ильи II, 7 января, 2014 года.

«KURONEKO BANZAI» КАК ПРИМЕР ЯПОНСКОЙ ВОЕННОЙ АНИМАЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ 1930-Х ГОДОВ

Представленное исследование посвящено анализу японского анимационного фильма «Kuroneko Banzai» как особого случая японской военной анимационной пропаганды 1930-х годов, в которой используются персонажи американской анимации.

Ключевые слова: война, пропаганда, анимация, Япония, Соединённые Штаты Америки.

The study is devoted to analysis of Japanese animated film «Kuroneko Banzai» as a special case of the Japanese war propaganda animation of the 1930s, which used the American animation characters.

Key words: war, propaganda, animation, Japan, the United States of America.

Памяти Нелли Адольфовны Ивановой-Георгиевской (1956 – 2014)

В 2012 году в г. Одесса, Украина, на конференции «О природе смеха», посвящённой Н. А. Ивановой-Георгиевской, я прочитал доклад «Образ японца в “Tokio Jokio”», которая легла в основу моей статьи «“Tokio Jokio” как пример военной американской анимационной пропаганды Второй мировой войны» [3]. В этом докладе говорилось о примерах расистских посвоей сути пропагандистских анимационных фильмов, таких, как «You're a Sap, Mr. Jar», анимационный фильм 1942 года из серии фильмов о морячке Попайе, «Bugs Bunny Nips in the Nips», анимационный фильм 1944 года из серии о Багзе Банни, и «Tokio Jokio» 1943 года. Самое любопытное в первых двух указанных примерах – это использование уже знакомых персонажей американских анимационных фильмов в военной пропаганде. Причём для военной пропаганды США времён Второй мировой войны это была обычная практика.

Однако в истории военной пропаганды XX века можно встретить случаи антиамериканской военной анимационной пропаганды, когда задействовались персонажи американских анимационных фильмов. Так, например, в 1943 году вышел трёхминутный анимационный фильм «Nimbus Libre», в котором такие известные анимационные персонажи, как Микки Маус, Дональд Дак, Гуффи, морячок Попай и кот Феликс бомбят на американских бомбардировщиках Францию.

За десять лет до выхода «Nimbus Libre» японские аниматоры во главе с Такао Накано создали очень интересный с точки зрения исследователей пропаганды семиминутный фильм [5]. Сам этот анимационный фильм известен под разными названиями. В Интернете он фигурирует под названиями «Злой Микки Маус нападает на Японию» (Evil Mickey Attacks Japan) и «Момотаро против Микки Мауса» (Momotaro vs. Mickey Mouse). Тем не менее, подлинными названиями этого фильма следует считать: 1) オモチャ箱シリーズ第3話 絵本1936年 (Omochabako Series Dai San

Wa: Ehon 1936 Nen 'Серия «Ящик для игрушек», эпизод 3: Книжка с картинками 1936 года») и 2) オモチャ箱シリーズ第3話 黒猫バンザイ (Omochabako Series Dai San Wa: Kuroneko Banzai 'Серия «Ящик для игрушек», эпизод 3: Чёрный кот Банзай').

Исследование, представленное в настоящей работе, будет посвящено анализу японского анимационного фильма «Kuroneko Banzai» как особого случая японской военной анимационной пропаганды 1930-х годов, в которой используются персонажи американской анимации.

Анимационный фильм открывается сценой на острове где-то в океане. В этой сцене зритель видит, как танцуют кукла и животные под музыку, исполняемую обезьянами на сямисэнах и чёрным котом на панцире черепахи. Этот чёрный кот очень похож на персонажа американских анимационных фильмов и комиксов кота Феликса.

Этот момент может показаться странным, так как, по сути, персонаж кота Феликса использовался в антиамериканской пропаганде, как позитивный. Здесь можно допустить, что использование этого персонажа может быть связано с тем, что считалось, что создателем кота Феликса был *австралийский* аниматор Пэт Салливан. Кроме того, к 1933 году кот Феликс потерял свою популярность в Соединённых Штатах Америки, хотя стилистика изображения именно кота Феликса стала шаблоном для стилистики изображения американских анимационных антропоморфных персонажей, таких, как Микки Маус, Багз Банни, Вуди Вудпекер. Потеря популярности была связана с тем, что Пэт Салливан не хотел делать полноценные звуковые фильмы о коте Феликсе. Это позволило Уолту Диснею сделать из Микки Мауса самого популярного анимационного персонажа США того времени.

Между тем танец прерывает Микки Маус, летящий на летучей мыши с мордой Микки Мауса. В небе он с помощью своего транспортного средства пишет цифрами: 1936, – видимо, указывая на время разворачивающихся в фильме событий. Микки Маус сбрасывает вниз послание с требованием освободить остров.

В этом месте следует отметить, что Микки Маус символизирует (олицетворяет) собой Соединённые Штаты Америки. Требование освободить остров не случайно. Это – требование Соединённых Штатов Америки придерживаться так называемого «Вашингтонского морского соглашения 1922 года» (он же «Договор Пяти Держав» и он же – «Договор между Соединёнными Штатами Америки, Британской Империей, Францией, Италией и Японией, подписанный в Вашингтоне 6 февраля 1922 года»). Данное соглашение предусматривало ограничения вооружений (линейных флотов, подводных флотов, сухопутных сил) и запрет на строительство укреплений и военных баз на ряде территорий в Тихом океане.

Однако по мысли японских военных указанное соглашение вступало в противоречие с Южным Тихоокеанским мандатом, выданным Лигой Наций в 1919 году Японии. Согласно этому мандату официально признавалась японская оккупация бывших германских колоний в Микронезии севернее экватора и их управление Японией. В соответствии с условиями мандата категории «С», Япония начала развивать острова как составную часть своей империи. Была принята программа интенсивного экономического развития и стимулирования иммиграции. Вскоре число японских, окинавских и корейских иммигрантов стало вдвое превосходить число проживавших там островитян. В 1930-х годах Императорский флот Японии начал возводить

на подмандатной территории порты, аэродромы, укрепления и прочую военную инфраструктуру. Острова рассматривались, как «непотопляемые авианосцы», и играли важную роль как с точки зрения обороны собственно Японских островов, так и для планов наступательной войны. Учитывая, что такие действия Японии нарушали Вашингтонское морское соглашение 1922 года, сами японцы прогнозировали, что возможна война с Соединёнными Штатами Америки за Тихоокеанский регион. Собственно, об этом и фильм «Kuroeko Banzai». Фильм готовил рядового японского зрителя, прежде всего ребёнка, к войне с Соединёнными Штатами Америки.

Возвращаясь к содержанию анимационного фильма «Kuroeko Banzai», следует сказать, что чёрный кот не соглашается с требованием Микки Мауса, поджигает послание и отправляет его обратно Микки. Обжжёвшись, буквально и фигурально, Микки Маус приходит в ярость и начинает войну, предварительно протрубив сигнал к нападению. С неба атакует военно-воздушный флот, состоящий из множества летучих мышей с мордами Микки Мауса. Летучие мыши здесь олицетворяют авиацию США. С моря атакует военно-морской флот, состоящий из крокодилов. Крокодилы, видимо, олицетворяют одновременно и корабли и подводные лодки США. По земле атакуют змеи, которые олицетворяют собой сухопутные войска США. Самое интересное, что все (летучие мыши, крокодилы и змеи) плюются снарядами. Плевок здесь символизирует выстрел.

Один из атакованных островитян – тигр бежит вместе с куклой от атакующих змей. Внезапно появляется Микки Маус на летучей мыши и хватает куклу. Тогда тигр бросается к книжке с японскими сказками. По всей видимости, отсюда одно из названий фильма – «Ehon 1936 Nen» 'Книжка с картинками 1936 года'. Из книжки появляется Момотаро, японский сказочный персонаж. В целом следует отметить, что прорисовка персонажей в фильме «Kuroeko Banzai» была сделана не очень качественно, поэтому образ Момотаро в фильме очень похож на образ другого японского сказочного персонажа – Иссумбоси, японскому аналогу «Мальчика-с-пальчик». Тем не менее, из книжки появляется именно Момотаро. О его будущем появлении свидетельствует изображение на книжке: из персика рождается мальчик, а Момотаро – 桃太郎 – буквально переводится как «персиковый мальчик». Тигр вкратце обрисовывает Момотаро ситуацию. При этом Момотаро стоит на фоне обезьяны и собаки, персонажей из сказки о Момотаро.

В это время куклу привязали к столбу, а вокруг неё танцуют Микки Маусы и змеи. Здесь трудно понять, является ли это аллюзией на похожую сцену в фильме 1933 года «Кинг-Конг» или же это попытка показать – в символическом плане, что американцы – это нецивилизованные дикари.

Момотаро использует тигра как устройство для сигнала к обороне. Из книжки со сказками появляются японские сказочные персонажи: Кинтаро (金太郎, буквально «Золотой мальчик»), персонаж с большим топором; воин-монах (сохэй = ямабуси) Бэнкэй, персонаж с нагинатой (японской алебардой) и большим колоколом из храма Мии-дэра; Иссумбоси, персонаж маленького роста с большой суповой тарелкой. Также появляется некий персонаж, который играет на бамбуковой флейте (скорее всего – сякухати). Этого персонажа очень трудно идентифицировать. Он очень похож на буддийского монаха комусо, однако у него отсутствует особый атрибут этих монахов – тэнгай, головной убор в виде плетёной корзинки, символизирующий

полный отказ от своего «Я». Другой – более вероятный вариант – это: сказочный персонаж Урасима Таро, который фигурирует в повествовании в дальнейшем.

Дальше начинается оборона. По суше движется колонна во главе с тигром. Вслед за ним двигаются клонированные (по сути) персонажи японской сказки «Обезьяна и краб»: обезьяна, крабы и каштаны. С ними идёт собака из сказки о Момотаро. А также тануки, японский зверь-оборотень, обычно изображаемый в виде енотовидной собаки. Очень важно, что в фильме обыгрывается одна из сказок о тануки – Бумбуку-тягама, в которой тануки превращается в котелок для чая. Поэтому тануки в фильме изображён как персонаж, сочетающий в себе черты котелка для чая и собственно енотовидной собаки. По ходу действия этот тануки превращается в танк.

По воздуху на японском зелёном фазане кидзи, персонаж сказки о Момотаро и по совместительству птица-символ Японии, летит Момотаро во главе эскадры из пчёл (клоны персонажа из сказки «Обезьяна и краб»).

По воде плывёт Урасима Таро. Сначала он изображён в своём классическом образе – как рыбак с удочкой и коробкой, подаренной ему дочерью повелителя морей Рюдзина по имени Отохимэ. Плывёт он на черепахе. По сказке об Урасима Таро известно, что в облике черепахи к нему явилась Отохимэ. Можно допустить, что эта черепаха – Отохимэ. Вслед за Урасима Таро на черепахе плывут рыбы. Это отсылка к тому, что в сказке Урасима Таро стал богом воды. Следом за рыбами плывут клоны Иссумбоси в суповых тарелках в функции лодок. Здесь отсылка к сказке об Иссумбоси, в которой Иссумбоси плыл по реке Эдогава в Киото.

В следующем кадре Урасима Таро уже предстаёт перед зрителями в виде плывущего на черепахе мальчика в фуражке и с подозрительной трубой. В руке он держит свиток, в котором написано «Империя живёт или умирает со мной».

Дальше показываются бои в воздухе и на суше. На суше крабы и каштаны пытаются прорваться через змей, однако один за другим терпят неудачу. Тогда тануки помещает в себя обезьяну, краба и каштан, а сам превращается в танк и идёт в атаку, давя по дороге змей.

В небе Момотаро и Микки Маус обмениваются выстрелами. Затем они вступают друг с другом в поединок на облаке. Момотаро использует в качестве оружия самурайский меч, а Микки Маус – бейсбольную битку с шипами, больше напоминающую палицу. Пока идёт поединок между Момотаро и Микки Маусом, пчелы уничтожают летучих мышей с мордами Микки Мауса. Те в буквальном смысле лопаются. Момотаро побеждает в поединке Микки Мауса и сбрасывает с облака. Микки удаётся ухватиться за край облака. Но ему не позволяет удержаться они, большой злобный клыкастый и рогатый человекоподобный демон, явно позаимствованный из сказки о Момотаро. Они стучит в бубен и этим не даёт удержаться за край облака Микки Маусу. Микки Маус падает вниз. Пока он падает, его бьёт молниями персонаж, очень похожий на чёрта. Видимо, это тоже они.

Микки Маус падает на землю, прямо к ногам Урасима Таро. Урасима Таро открывает свою сказочную коробочку и, словно как в сказке об Урасима Таро, из неё появляется белый дым и старит Микки Мауса.

Постаревший Микки Маус с клюкой уходит прочь под аккомпанемент смеха японских сказочных персонажей и островитян. Среди японских сказочных персонажей можно увидеть старика из сказки «Ханасака дзидзи» 'Старик, который застав-

ляет цветы цвести. Островитяне просят старика сделать так, чтобы опять всё цвело на острове, что тот и делает, высыпая семена из своей волшебной ступы. Зацветает сакура. Островитяне снова танцуют и поют.

Цветение сакуры в японской культуре носит важный символический характер. Прежде всего, цветение сакуры – это символ самой японской культуры: «В IX веке, когда возникла необходимость отделения собственной культуры от китайской, японцы выбрали цветение вишни в противовес “китайскому” цветению сливы. С этого времени вишнёвый цветок начинает превращаться в уникальный национальный символ. Однако во второй половине XIX века образ сакуры утратил свою утончённую эстетику и сакральный смысл. Священное дерево стало играть практическую роль: западная цивилизация агрессивно вытесняла национальную культуру, и сакура – символ вековых традиций – была призвана смягчить удар. Древняя столица Японии, Киото, с XII века носила титул хана-но мякю, “столица цветов”, причём под цветами подразумевалась именно сакура. И когда в 1868 году император Мэйдзи перенёс столицу в Токио, город начали активно засаживать сакурой. Она украсила первую “по-настоящему европейскую” улицу – Гиндзу, и первый “по-настоящему европейский” парк – токийский Уэно. К концу столетия цветущая сакура стала ключевым символом имперского национализма» [1].

Не менее важно, что сакура как национальный символ стал вызывать ассоциации с готовностью к самопожертвованию во имя императора Японии и его страны: «С начала эпохи Мэйдзи (1868) и на протяжении последующего столетия государство визуально и концептуально эстетизировало войну и смерть на поле боя. Символика цветка сакуры теперь трактовалась как “красота души японца, способного бесстрашно идти навстречу смерти”. А военные вообще превратили метафору в лозунг: “Ты должен умереть за императора, это такой же естественный процесс, как опадение лепестков у цветущей сакуры!” Цветок сакуры – эмблема национального святилища Ясукуни, где с первых лет эпохи Мэйдзи поминают всех павших солдат Империи. Первоначально вишнёвые деревья на территории храма сажали для того, чтобы их цветки притягивали и утешали души погибших воинов. Но в начале XX века опадающие лепестки сакуры стали символизировать солдат, добровольно отдавших жизни за императора. Теперь деревья в храме Ясукуни следовало считать претерпевшими метаморфозу солдатскими душами» [1]. Именно этому и учили детей в японских школах [4, с. 248]. Поэтому не случайно то, что в одной из сцен в фильме «Kuroeko Banzai» Урасима Таро предстаёт в образе мальчика в военной фуражке, здесь не просто отсылка к японской военной униформе, но и к японской школьной униформе, которую создавали на основе военной униформы.

В целом получается, что старик из сказки «Ханасака дзидзи» в финале фильма «Kuroeko Banzai» выступает в роли того, кто делает возможным утешение погибших душ погибших японских солдат. В определённой степени в финале фильма место, в котором поют и танцуют островитяне, символизирует собой храм Ясукуни, в котором солдаты, убитые в бою, служат Императору Японии как божеству.

Обобщая всё сказанное ранее, можно утверждать, что японский анимационный фильм «Kuroeko Banzai» служил в качестве образчика национального военного воспитания. Создатели фильма добивались этого с одной стороны с помощью привлечения образов японских сказочных персонажей (Момотаро, Ураси-

ма Таро, Кинтаро, Иссумбоси и других) и японских национально-культурных символов (сакура); с другой стороны – за счёт противопоставление всё тех же японских сказочных персонажей, которые символизировали японские традиции и связь с предками и, вероятно, с богами (ками), и американского анимационного персонажа Микки Мауса, символизировавшего врага в виде Запада. Изображение такого популярного персонажа, как Микки Маус, в виде врага было очень тонким и оригинальным решением, особенно в том плане, что: восприятие визуальной информации происходит за порогом осознания, оно менее подвержено работе так называемых фильтров недоверия, в отличие от текстов, увиденное воспринимается человеком как более правдивое [2, с. 69], тем более, если этот человек – ребёнок.

Источники:

1. Колесников А. Сакэ и сакура. Традиционный японский символ на военных чашках / Алексей Колесников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovoart.ru/node/66>. Дата обращения: 28.07.2014.
2. Почепцов Г. Г. Имиджология / Георгий Георгиевич Почепцов. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2002. – 574 с.
3. Райхерт К. В. «Tokio Jokio» как пример военной американской анимационной пропаганды Второй мировой войны / Константин Вильгельмович Райхерт // Zbiór raportów naukowych “Badania naukowe naszych czasów” (29.10.2013 – 31.10.2013). – Czesc 2. – Katowice: SP.zo.o. Diamond trading tour, 2013. – S. 88–96.
4. Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945 / Энтони Родс; пер. с англ. Ю. К. Бардина. – М.: Эксмо, 2008. – 312 с. – (Иллюстрированная история войн XX века).
5. Evil Mickey Attacks Japan – A 1936 Japanese Animation [motion picture]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=icVu-acHlpU>. Дата обращения: 28.07.2014.

ІНДИВІДУАЛЬНІСТЬ ЯК ПОНЯТТЯ СОЦІАЛЬНОЇ ФІЛОСОФІЇ

Поняття людської індивідуальності, безсумнівно, належить до низки тих, які дуже широко вживаються як у соціальній філософії, так і у соціально-гуманітарних науках в цілому. З іншого боку, з такою самою безперечністю потрібно визнати, що воно належить до низки понять, навколо змісту якого і до сьогодні точаться різноманітні теоретичні суперечки. І це незважаючи на те, що історія терміну «індивідуальне» нараховує практично стільки часу, скільки взагалі існує філософія, як мінімум у її західноєвропейському варіанті. Нагадаю, що перші розвідки явища індивідуального як у фізичному, так і у людському аспектах, відносяться ще до часів блискучого давньогрецького філософа Демокріта (460-360 рр. до н. е.) – засновника атомістичної теорії побудови світу. Саме він увів до вжитку поняття, що з мови оригіналу звучить як «атомос» – «неподільне». Додам, що за думкою великого грека не тільки все суще складається з атомів як найменших і неподільних елементів світу, але й кожна людина – це також своєрідний атом як базова і цілісна субстанція суспільного, соціального. Надаючи кожному атому окремих властивостей, Демокріт вважав неповторні форми і вагу основним серед них, які і характеризують кожен атом як щось унікальне. За такою логікою він дійшов висновку про те, що і кожна людина як суспільний атом, володіючи неповторними формою і вагою в соціальному, суто людському смислі, є унікальною, бо і її форма, і вага, як і інші властивості, є такими, що ніколи і ні в кому іншому не повторюються. Саме звідси, на мою думку, потрібно виводити ідею індивідуальності як феномену світу, в тому числі і людського. До того ж підкреслю, що переклад терміну «атомос» має і інше значення – «індивідуальний». Теоретичними послідовниками Демокріта у стародавній науці виступили Лепкіпп і Ціцерон.

Давньогрецька філософська думка лише означала проблему індивідуальності, оскільки саме явище не було гостро затребуване суспільною практикою. Така актуалізація стала можливою лише в часи західноєвропейського Відродження, яке деякі відомі дослідники цілком справедливо називають епохою «пошуків індивідуальності» [1]. Надалі вказана проблематика тільки наростала у своїй значущості і в минулому столітті стала однією з провідних у гуманітарних дослідженнях.

В наш час науковий аналіз поняття індивідуальності тісно корелюється з поняттям особистості. І це видається методологічно правильним, адже обидва явища нерозривно пов'язані з буттям людини. Однак спосіб взаємозв'язку особистості та індивідуальності обґрунтовується по-різному. Для першого підходу з них характерно те, що індивідуальність здебільшого розглядається як своєрідний, неповторний прояв особистості людини на одиничному рівні. Такий погляд на природу індивідуальності був властивий для початкових стадій теоретичних досліджень вітчизняної науки в цій галузі [5, с. 71; 2, с. 20]. Але зустрічається і зараз. Так, наприклад у «Філософському енциклопедичному словнику» (М., 1989 р.) індивідуальність визначається

як неповторна своєрідність людини [6, с. 212]. Є ряд дослідників проблеми індивідуальності, які сутність останньої пов'язують з діяльною природою особистості. В такому разі серед найважливіших характерних ознак індивідуальності розглядають соціальну активність, самодіяльність особистості, її творче начало. Так, один з відомих дослідників вказаного феномена у російській науці І. І. Резвицький, вказуючи, що індивідуальність існує не поряд з особистістю, а як одна з її властивостей, дає таке її визначення. «Індивідуальність – це інтегральне поняття, яке виражає особливу форму буття індивідуумів, в рамках якої вони володіють внутрішньою діяльністю та відносною самостійністю, що дає їм можливість активно (творчо) і своєрідним способом проявляти себе в оточуючому світі на основі розкриття своїх задатків і здібностей і у відповідності з суспільними потребами [4, с. 33, 38]. Є також погляд на індивідуальність, згідно з яким моральні устої життя людини розглядаються як кістяк її індивідуальності, прояв у ній найвищих соціальних потреб та відносин. Врешті, досить поширеною є концепція індивідуальності як особистісної ідентичності, самості. В цьому плані відзначимо думку німецького соціального філософа Ю. Хабермаса, який стверджує, що тільки та особистість, яка знає, що вона є і чим бажає бути – ... може володіти поняттям індивідуальності ... [7, с. 38].

Важливо підкреслити те, що в своїй сутності людська індивідуальність дійсно нерозривно пов'язана з людською особистістю. Однак, на мою думку, цей зв'язок не є зв'язком сутності однієї з них з властивістю іншої, хай навіть і важливою. Це – кореляція найважливіших сутностей кожної окремої людини, кожного людського індивідуума у його цілісній життєдіяльності. Тільки функціонуючи в такому статусі, індивідуальність та особистість органічно взаємодіють одна з одною. І саме в цьому плані ми повинні констатувати, що де немає особистості, там немає її індивідуальності. І навпаки, наявність хоч деяких проявів індивідуальності говорить про певний особистісний зріз в розвитку конкретної людини. Однак, це і має означати, що у кожного з цих феноменів різний зміст, і саме їх поняття це фіксують.

Поняття індивідуальності, безсумнівно, позначає собою те, що у конкретній людині проявляється одиничним чином, неповторним, своєрідним, унікальним. Дійсно, індивідуальне кожного з людей базується на об'єктивних, як би сказав, таких, що від нас не залежать, підставах. Це – природні чинники, які даються людям від народження: природні задатки, темперамент, фізіологічні, психологічні та інші особливості. Вони залишаються такими фактично на все життя. Людина не може, змінитися, і наприклад, з холерика перетворитися на меланхоліка. Тому що сутнісні риси темпераменту зумовлюються фізіологічними особливостями людини. І це накладає відповідний відбиток на практичне життя людини. Можна стверджувати, що вищесказане стосується першого структурного рівня явища індивідуальності. І він зумовлений природними причинами. А проявляється у вигляді неповторності, унікальності своєрідності людини.

Повернемось тепер до тих варіантів визначення індивідуальності, про які було сказано вище. Необхідно зазначити, що в значній мірі вони акцентують увагу не на сутності індивідуальності, а на її проявах. Так, своєрідність, неповторність, активність, творче начало тощо відображають сутнісну глибину індивідуальності, але не є самою сутністю останньої. «Сутністю індивідуальності особистості є цілісність особистості, яка проявляється як певне ставлення цієї особистості до світу. А остан-

не проявляється в її самодіяльності. Саме ця сутність індивідуальності завдяки практичній діяльності реалізується у формі, наприклад, самобутності, неповторності і т.д. Завдяки тому, що будь-яка особистість своїм засадним, принциповим і змістовим елементом має індивідуальність, остання – це не просто неповторне в особистості, а певний, особливий спосіб реалізації всезагального на рівні одиничного. Завдяки тому, що особистість є тотожна сама собі в усій діяльності. Тому індивідуальність виступає як самореферентуюча суб'єктивність, яка уявляє світ і представляє його собою як універсум лише своїм, власним, унікальним способом» [3, с. 125–126]. І це є другий структурний рівень індивідуальності кожної людини.

Розуміння індивідуальності як фокусованого відображення цілісності, як певного ставлення особистості до світу, як специфічного лише для неї способу прояву соціального виправдане ще й тим, що в ній (індивідуальності) концентрованою формою відображені життєві принципи людини як особистості, які визначають сенс всієї її життєдіяльності. В них як в системі світоглядних, політичних, ідейно-моральних настанов та переконань висвітлюється та ціна, яку сплачує особистість, реалізуючи сенс власного життя. Важливими властивостями індивідуальності виступають активність та суверенність внутрішнього світу особистості, вибірковість в її ставленні до природної та суспільної дійсності і усвідомленої реалізації конкретного спрямування в розвитку власних сутнісних сил, здатність бути самостійним суб'єктом власної життєдіяльності.

Література:

1. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М.: Наука, 1989. – 270 с.
2. Гак Г. М. Диалектика коллективности и индивидуальности. – М.: Мысль, 1967. – 167 с.
3. Муляр В. І. Проблема становлення особистості в системі «індивід-суспільство» / філософсько-культурологічний аналіз / – Житомир: ЖДТУ, 2005. – 320 с.
4. Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество: Проблема индивидуализации и её соц. – филос. смысл. – М.: Политиздат, 1984. – 141 с.
5. Тугаринов В.П. Личность и общество . – М.: Мысль, 1965. – 91 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
7. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35–40.

**АНТИПСИХИАТРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ
И ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТАХ).**

Аннотация

Целью статьи является рассмотрение экзистенциальных измерений концепции субъекта в антипсихиатрии, которое отвечает на актуальные вопросы о природе психического заболевания, может служить в качестве определенной методологии психологии и дефектологии и быть актуальным для студентов соответствующих факультетов. Доказано, что классическая психиатрия дает неверное представление о внутреннем состоянии шизоида, следовательно, единственно возможным методом познания личностного в субъекте является экзистенциальная феноменология. Обосновано, что, несмотря на то, что поведение безумного субъекта может быть асоциальным и аморальным, оно служит манифестацией антропологической бездны, которая может открыться при определенных обстоятельствах любому.

Ключевые слова: субъект, антипсихиатрия, экзистенция, феноменология, сознание, безумие

Keywords: subject, anti-psychiatry, philosophy teaching, existentia, phenomenology, consciousness, madness

Сегодня, в массовом сознании, сложилось впечатление о том, что философия является чем-то абстрактным, не приспособленным к конкретной практической деятельности, в том числе и деятельности профессиональной. Часто, к сожалению, философия как учебная дисциплина оправдывает худшие ожидания, оставаясь на недостижимой высоте для студентов, демонстрируя только прекрасные теоретические обобщения, не соотносенные с реальными профессиональными потребностями студентов.

Между тем, вполне очевидно, что для студентов психологического и дефектологического факультетов важна современная философия как определенная методология психологии вообще и психиатрии в частности, которая должна ответить на актуальные вопросы о природе психического заболевания, преодолеть позитивистское представление о человеке и болезни, показать гуманистическое содержание антипсихиатрии, которая изменила отношение к заболеванию и способствовала преодолению отчуждения психически больного от общества.

В XX веке произошел определенный синтез философии и психиатрии. Результатом такого синтеза можно считать, между прочим, и возникновение антипсихиатрии. Основными проблемами стали проблемы устранения психиатрии как формы социального контроля, место сумасшедшего в обществе и т.д.

Именно по этой причине контекстуальные исследования философии являются наиболее распространенными. В исследовании становления антипсихиатрии,

на наш взгляд, и присутствуют многочисленные невыявленные интенции, которые актуальны как для сегодняшних философских дискуссий, так и для современных социально-политических реалий. Становление антипсихиатрии и отдельные работы ее выдающихся представителей Р. Лейнга, Купера, Т. Саса, М. Фуко исследовали такие авторы, как М. Т. Берли, О. А. Власова, О. В. Косилова, О. А. Ромек, М. П. Флек, Р. Портер, Г. Фриман и др. Работы, в которых анализируется экзистенциальная концепция субъекта в антипсихиатрии, и, тем более, значение этой темы при преподавании философии на психологическом и дефектологическом факультетах, отсутствуют.

Именно поэтому, целью нашей статьи является исследование того, каким образом в течение преподавания проблемы экзистенциальных измерений концепции субъекта в антипсихиатрии, философия применима для реальных профессиональных потребностей студентов дефектологического и психологического факультетов.

Для выполнения поставленной задачи необходимо показать связь экзистенциальных измерений концепции субъекта в антипсихиатрии и власти. Власть в этом контексте рассматривается не только как форма подавления, осуществляющего насильственное формирование человеческого индивида, но и как форма структурирования и познания реальности. Разнообразные формы власти оказываются связанными с определенным знанием, и, прежде всего, знанием того, что такое человек. Разумеется, чтобы выработать такое знание, необходимо провести демаркационную линию между человеком и нечеловеком, а это становится возможным только путем подключения понятие нормы. В свое время Т. Сас замечал, что основной догмой психиатрии является признание того, что нежелательное поведение является болезнью, принуждение является лечением и изоляция людей, виновных в преступлениях, является милосердной и научной форме терапевтического правосудия [1, 48].

Изоляция, которая существовала в социальной истории и картезианской рефлексии, охватывала все поле инаковости, не различая сумасшедших и бедных, больных и воров. Все, что является аномальным, относительно самотождественного Разума, покрывалось непрозрачной тенью идентичности и гомогенности, которые представлялись зеркальным отражением самого разума. Так что дело заключается в том, чтобы показать студентам феноменологическую целесообразность изображение мира человека, в том числе и безумного, который не может быть описан исключительно в строгой научной терминологии, а должен истолковываться в ее личных переживаниях. Мысль в русле такой феноменологической традиции Л. Бинсвангер считает, что маниакальная «норма» является общей для всех миров, которые конструируются маниакальным сознанием, Бинсвангер аргументированно доказывает, что все невротические проявления происходят из-за того, что «бытие-в-мире» имеет особую «конфигурацию», которая создается еще в детстве.

Свое адекватное отражение идеи экзистенциальной психотерапии получили в движении, получивший было название «антипсихиатрия». Антипсихиатрия широко распространилась в Европе в начале 1960-х годов. Она объединила несколько тысяч психиатров, философов, общественных деятелей, бывших пациентов психиатрических клиник и т.д. целью которых была ликвидация ряда медицинских учреждений, особенно психиатрические клиники, которые являются порождением репрессивного аппарата капиталистического общества. Антипсихиатрия стала не только медицинской, но и идеологической, философской, социально – политической доктриной. В

антипсихиатрии на Западе склонны видеть целостный феномен, выражающий синтез философии, политики, клиники и т.д.

Человек рассматривается как сумасшедший, когда он радикально расходится с обществом в осмыслении всего происходящего. Работа Фуко «Безумие и общество», написанная в 60 – х годах, является экскурсом в историю психиатрии, где достойного внимания требует модель структуралистской этнологии, которая выполнена дискурсивно-аналитическими средствами с методическим дистанцированием от собственной культуры. Уже в разделе «История безумия в эпоху Разума» ученый показывает, как, начиная с конца XVIII в., феномен безумие конституируется болезнью духа. И с этой целью Фуко реконструирует историю возникновения дискурса, в котором психиатры XIX и XX веков размышляют над безумием. Он доказывает, что вне феномена душевной болезни, под разными масками безумия, существующими на то время, стоит что-то настоящее. Тема, которую далее исследует Фуко – это конститутивная связь между гуманитарными науками и практиками наблюдающей изоляции. Архетип закрытого учреждения, которое он сначала открывает в клинически преобразованном мире приюта, распространяется в дальнейшем на такие формы, как фабрика, тюрьма, казарма, школа и др.

В своей истории безумия Фуко преследует цель доказать первоначальное родство между учреждением приюта и отношением доктор – пациент. С обеих сторон прослеживается разделение между «видеть» и «быть увиденным», которое объединяет идею клиники с идеей науки о человеке. Это и общая идея, которая достигает своего выражения одновременно с утверждением субъектноцентрированного разума того, что якобы убийство диалогических связей создает субъектов, которые монологически обращены на себя как на объекты в их отношениях друг к другу.

Историческое исследование психиатрии является важным как с точки зрения концептуального содержания последней, так и учитывая возложенные на нее функции принудительной изоляции больных. Одной из основных задач созданной научной психиатрии является задача отделения тех, кого можно принудить работать, от полностью неуправляемых.

Образ безумие является сложным, он производит и представление о том, как возможна крайняя степень неуправляемости, и есть ли надежда, в случае задействования власти, на выздоровление или исправление. Как историк, М. Фуко показывает, что процедура изоляции безумных предшествует моменту возникновения даже самого понятия безумие и выделение психических заболеваний в отдельный класс болезней. Этот клинический дискурс возникает позже, его назначение содержится не только в том, чтобы оправдать новую форму власти, которая достигает на этот раз человеческой души, а и затем, чтобы под маской квазинаучной объективности скрыть саму технологию власти. Это последнее назначение появляется только потому, что власть на в таких необычных границах, как внутренний мир человека, чувствует себя не достаточно уверенно.

Тем не менее, существует объективное знание о сумасшествии. Несмотря на то, что объективность до сих пор была игрушкой в руках власти, истинная объективность, не зависящая от террора власти, возможна. Такая возможность находится не в психиатрии, а в антропологии. Представление о сумасшествии имеет чрезвычайно

важное антропологическое значение. Устанавливая границу разума и безумия, мы тем самым определяем их в качестве антропологического норматива.

Список литературы:

1. Szasz T. The psychiatric collaborator as «critic» // Ideas on Liberty. 2001.- Vol.51. № 8. P. 29.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – С.-Пб Университетская книга, 1997. – 576 с.

ОНТОЛОГІЯ ЗРАДИ

Ключові слова / Keywords: онтологія / ontology, обіцянка / promise, зрада / betrayal, життя / life, смерть / death, вічність / eternity.

В особистісному спілкуванні людина вільно виражає себе і чекає вільної відповіді від іншої особистості. Ділове спілкування регламентовано правилами і не орієнтовано на вільну відповідь людини. Будь-які обіцянки в межах ділового спілкування є результатом співвіднесення з конкретною ситуацією тих норм, які обумовлюють це спілкування. Тому вони є не особистими обіцянками, а лише визнанням людиною певних вимог у конкретній ситуації, і не мають екзистенціального або онтологічного значення.

Під особистісним спілкуванням не слід розуміти всяке спілкування, при якому людина може поговорити на приватні теми, або імітацію особистісного спілкування, при якому людина, думаючи, що спілкується особистісно, добивається, щоб йому відповідав не вільно, а так, як це відповідає певній соціальній ролі.

Особистісне спілкування, по-перше, розкриває інтуїцію присутності іншої людини і її намір розкрити себе як особистість в цій присутності; по-друге, розкриває інтуїтивне відчуття внутрішнього життєвого світу іншої людини, завдяки якому долається ізоляція у власній суб'єктивності. Сенс особистісного спілкування – у розширенні життєвого світу і через це у набутті справжнього існування.

У зв'язку з цим виникає питання: якщо особистісне спілкування вільно від цих вимог, норм і правил, що тоді спонукає давати особисті обіцянки, до яких можуть відноситися як малі обіцянки (дбати, виконати бажання, завжди підтримати), так і великі (бути вірним у коханні, ніколи не залишити). Як мені бачиться, обіцянка в особистісному спілкуванні пов'язана з прагненням перейти від свого внутрішнього світу в діалогічне буття з Іншим.

Екзистенційне розуміння буття може розкриватися по-різному: як буття-в-собі і як спів-буття з Іншим, тобто діалогічне буття. У першому розумінні людина саме виявляється у ставленні до власного існування, і це ставлення конституює його внутрішній життєвий світ, який залишається замкненим в межах людської суб'єктивності. В іншому розумінні існування – це завжди відношення до Іншого. Учасники спілкування засвідчують себе в загальному для них діалогічному бутті, при цьому ніякої предзаданої спілкуванню суб'єктивності не передбачається.

Обидва розуміння буття в рівній мірі долають «суб'єктність» або «Я-центризм» класичної філософії, хоч і по-різному. В одному випадку суб'єкт покладається актом ставлення до власного існування, в іншому разі суб'єкт виділяється з акти спілкування. І обидва цих розуміння відповідають реальному досвіду людини, у першому випадку – людини, яка не давала особистих обіцянок, а у другому випадку – тій, яка давала.

Особиста обіцянка – це трансцендентальна спрямованість переходу від однієї онтології до іншої, а саме, від онтології внутрішнього життєвого світу до онтології діалогічного буття як спів-буття з Іншим. Особиста обіцянка задає новий простір життєвого світу, в який включається Інший. Коли на особисту обіцянку дається у відповідь згода, виникає особливий екзистенційний договір – заповіт, який стає трансцендентною основою нового діалогічного буття. Зокрема, освідчення в коханні – це зовсім не проста констатація своїх почуттів, та не інформування про них співрозмовника, а онтологічна обіцянка. У цій обіцянці розкривається трансцендентальна спрямованість на Іншого в очікуванні відповіді. І лише після позитивної відповіді виникає нове діалогічне буття двох люблячих один одного людей – тобто їх новий світ «для двох».

Онтологічна потреба давати особисту обіцянку визначена прагненням вийти за межі власного обмеженого буття і заповнити відчуття життя в трансуб'єктивному розширенні життєвого світу.

Зокрема, що спонукає християнина укласти заповіт з Богом? Багато навертаються у християнство, так як вважають, що належність до тієї чи іншої християнської конфесії надає їм ексклюзивну можливість (а деякі вважають, що і гарантію) врятуватися. Однак таке розуміння не екзистенційно. Воно пов'язане з розумінням Бога виключно як зовнішньої сили і з сектантським поділом світу на своїх і чужих. З позиції екзистенційно-особистісного розуміння християнства абсурдною виглядає думка, ніби Христос пішов на хресну смерть тільки заради того, щоб врятувати членів якої-небудь однієї помісної церкви. Жертва Христа має світове значення, і її дія поширюється на всіх людей, незалежно від віросповідання. Згідно з християнським одкровенням, воскреснуть усі люди, і кожен буде відповідати на Страшному Суді по своїй вірі. Християни будуть відповідати на Страшному Суді згідно з заповітом, який вони уклали з Богом. Цей заповіт накладає на християнина особливі зобов'язання перед Богом. У зв'язку з цим виникає питання: так навіщо ж потрібно було людині добровільно брати на себе особливі зобов'язання, за які доведеться відповідати на Страшному Суді?

Новий завіт з Богом накладає на християнина особливу місію служіння Богові, а Бог дає силу на виконання цього служіння. І християнин погоджується на несення цієї місії в силу особливої трансцендентальної спрямованості, в якій відкривається нове діалогічне буття з Богом, нескінченно розсовуючи горизонт власного життєвого світу. Тому укладення заповіту поряд з особистісною мотивацією спілкування з Богом має ще й особливу онтологічну мотивацію доторкнутися до таємниці творення буття, пов'язану з онтологічною інтуїцією автентичності як причетності вищого початку.

Всяке особисте обіцяння відкриває нову перспективу становлення життя. Більш того, в релігійному розумінні воно лежить в основі будь-якої організації життя. Створене буття починає своє існування зі Слова, яким Бог творить світ. Якщо світ – це діалогічне буття, що розкриває всяку створену істоту у відношенні до Бога, то слово – його онтологічна основа, аналогічна особовому обіцянню. Народжуючись у світі, людина вступає в діалог зі світом і оточуючими людьми, і вона може підніматися онтологічними рівнями світу, укладаючи через особисті обіцянки екзистенційні договори з людьми. Первинний досвід світу – це онтологічна присутність

Бога як не персоніфікованого відчуття буття, яке розкривається як діалогічне особистісне буття в завіті з Богом.

Зрада в самому широкому розумінні – це порушення вірності кому-небудь або чому-небудь, яке сприймається як зло. Однак у традиційному для релігії розумінні (втім, і для всякої культурної традиції теж) зла самого по собі в онтологічному сенсі (тобто по суті) не існує, зло завжди відносно – це заперечення буття. Тому зрада не завжди сприймається однозначно. Якщо сталінський або гітлерівський солдат порушив присягу, відмовившись виконувати кривавий наказ, то в очах начальства він – зрадник, в очах решти нормальних людей його вчинок правильний та відповідає совісті. Тому зрада тільки в тому випадку є злом, коли вона тягне за собою заперечення буття. Інакше кажучи, справжня зрада – це порушення особистого обіцянки як онтологічного принципу діалогічного буття.

Зрада веде до руйнування життєвого світу. Людина, що пережила зраду, відчуває, що вона втрачає якусь значущість серед знецінених навколишніх речей і подій повсякденного життя, відчуваючи, як ніби перестає існувати не тільки в сьогоденні, але і в минулому. І це для неї страшніше смерті, оскільки смерть, на відміну від зради, не може відняти минулого. Вмираючи в руйнуючимся діалогічному бутті, людина більше не здатна повернутися в свій початковий стан, в якому перебувала до того, як погодилась увійти у «світ для двох». Особисте онтологічне обіцяння, що відкриває діалогічне буття, однеспрямоване, і не може бути звернене. Тому людина, образно кажучи, зависає в проміжному напівіснуванні між вже залишеним власним світом внутрішнього життя і руйнуючимся світом особистісного спів-буття з Іншим. Цей завислий стан викликає екзистенціальний страх занурення в «ніщо».

Єдиний вихід із цього стану – стерти свою особистість, щоб наново відродитися новою особистістю. Цей шлях можна представити як практику особистісного вмирання. Тільки доведене до кінця особистісне вмирання відкриває можливість відродження особистості в новому вимірі життєвого буття. Особистісне вмирання являє собою згортання всього свого існування до точки при повному відмову не тільки від всього, що важливо, а й від себе самого. Таке розуміння, яке чоловік отримує в результаті довгої духовної практики або в релігійному одкровенні, споконвічно притаманне жінці і пов'язане з особливою жіночою інтуїцією перспективного розуміння смерті. Кларисса Естес у своїй книзі «Що біжить з вовками» розкриває досвід смерті в жіночому світовідчутті як шлях виходу з небуття і відродження до нового життя: «Природа Життя-Смерті-Життя – це цикл народження, розвитку, занепаду і смерті, за якою завжди слідує нове народження. Цей цикл впливає на все матеріальне життя і на всі грані життя психологічного» [1, с. 153].

Традиційно у філософії життя по відношенню до смерті розумілось ретроспективно, як таке предстояння перед кінцем, яке змушує переосмислити передуючий смерті зміст життя. Кларисса Естес пропонує нове перспективне розуміння смерті, що є архетипом жіночого світосприйняття: життя – це те нове, що виникає завдяки смерті. Смерть стирає все те, що їй передувало, очищаючи місце для відродження життя.

У жіночому сприйнятті смерть – це умова і підготовка нового народження. В цьому плані цінність смерті необхідна не для переоцінки старого, а для виникнення нового. Жінка дозволяє старому померти остаточно – тому, що має померти треба

дозволити вмерти. Тільки через це розкривається справжнє самопізнання і самореалізація своєї істинної природи. Якщо для традиційного розуміння смерть закриває майбутнє, змушуючи зрозуміти минуле, то для жіночого, навпаки, смерть закриває минуле, дозволяє по-новому жити в майбутньому.

К. Естес приходить до висновку, що самість жінки містить у собі архетипний сенс смерті. Згідно з цим архетипом розуміння смерті можна поширити як на природні процеси (цикли зміни поколінь, народження і вмирання в природі), так і на психологічні, пов'язані з переродженням особистості. Це розуміння відрізняється від негативного чоловічого розуміння смерті як фіналу, кінця, завершення, і передбачає позитивне розуміння смерті як очищення, підготовки до народження нового. При цьому смерть сприймається не як щось зовнішнє життю, але як іманентне йому, і в цій якості воно засвоюється жіночою природою, дозволяючи їй розкриватися в циклах зміни життя і смерті. Циклічність життя-смерті-життя розкриває самість жінки поетапно, у відповідності з етапами переродження особистості. Кожен етап пов'язаний з досягненням жінкою справжньої самосвідомості та реалізації своєї природи. В цьому плані перспективне розуміння смерті може бути витлумачено як ініціація жіночої особистості.

У філософії і духовних традиціях як особливий метод самопізнання використовувалася пам'ять про смерть. Цей метод стає доступним на певному щаблі духовного розвитку і вимагає при цьому здатності до рефлексії. Однак жінка володіє цим методом спочатку. Жінка не потребує розуміння цінності смерті або постійної пам'яті про свою смертності, вона спочатку вміє на інтуїтивному рівні особистісне вмирати і відроджуватися. Завдяки цьому жінки здатні пережити зраду так, як не здатний чоловік. Дівчина може сильно страждати при розриві з людиною, яку вона любить, але, розлучившись, вона відмовляється від минулого, змінюючи свою зовнішність, зачіску. Це символізує смерть її старій особистості і народження нової. Коли хлопець, повертаючись знову до неї, волає до її старих почуттів, то з подивом виявляє абсолютно нову людину, для якої їх спільне минуле вже не має значення.

Ця жіноча інтуїція сходить до більш древнього знання, про який розповідається у біблійному міфі про гріхопадіння. Порушення заповіді – це зрада Адама і Єви першого Завіту з Богом, яка вела до деградації діалогічного буття людини з Богом. Перед людьми відкрилися дві можливості – або чіплятися за нестерпне подальше життя людей в раю, або пройти до кінця шлях вигнання з раю і падіння у земну історію для нового відродження.

Повнота спасіння людини здійснюється в її сходженні по онтологічним рівнями буття через особисту обіцянку Богу – заповіт, однак, зрада постійно відкидає людини назад, віддаляючи її від порятунку. Тому шлях відродження проходить через смерть. Христу, щоб врятувати людей, також довелося пройти через смерть, викликаючи зрадою, і лише через повне Його вмирання здійснилося воскресіння.

У зв'язку з цим у мене виникла гіпотеза, що в початковому сенсі християнського одкровення закладена можливість розуміння того, що повнота спасіння досягається лише у вічності, куди людина сходить, задаючи новий вимір діалогічного буття. Вічність включає в себе всі можливі вимірювання діалогу і різні варіанти проживання людиною власного життя. Однак зрада згортає існування людини до точки, викидаючи її з вічності. Людина з цієї відправної точки починає життя кожен раз

заново, намагаючись увійти в вічне буття, з якого її знову викидає зрада. Кожна з таких спроб – земне життя людини, що представляє собою ще одне відображення його вічного життя в неповноцінному тимчасовому стані. Дане розуміння суперечить християнській інтуїції тільки в парадигмі лінійного розуміння часу, яке панувало на всьому протязі історії європейської культури. Однак якщо ми прийдемо до розуміння того, що час багатовимірний, то це протиріччя буде знято.

Література:

1. Эстес К. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Киев: «София», М.: ИД «Гелиос», 2001. 496 с.

СПЕЦИФІКА ЯПОНСЬКОГО СИМВОЛІЗМУ

Ключові слова / Keywords: символ / symbol, Японія / Japan, культура / culture, символізм / symbolism, образ / image, сутність / essence

Однією із загадок Японії є дивовижна здатність японців запозичувати будь-які традиції інших культур, і при цьому зберегти власну культурну ідентичність. У середньовічну епоху японці запозичили з Китаю культурні, етичні та релігійні традиції, при цьому специфіка японського світовідчуття залишилася практично незачепленою. Щось подібне спостерігається і зараз. Японці активно засвоюють досягнення західної цивілізації від науки і до демократичної форми правління, однак, все це ніяк не зачіпає їх національно-культурної самобутності. Така особливість японського духу визначається специфічним типом символізму, якому не важко знайти аналоги у інших культурах і навіть символізмом у звичайному розумінні назвати складно.

Символ – це онтологічне вираження чого-небудь в образі або речі. Присутність у символічному образі чогось більшого спонукає людину по-особливому ставитися до символу. Це особливе ставлення, пов'язане з тим, як саме розкривається в символі присутність символізованої сутності іншого онтологічного плану (релігійного, міфологічного чи інтимно-особистісного), визначає унікальний характер кожної культури.

Особливість японської культури полягає в тому, що власний символічний сенс образу виявляється виключеним з контексту емпіричної реальності, в зв'язку з чим він здається безглуздим, що породжує сумнів, а символ чи це взагалі.

Можна провести паралелі японського сприйняття символічного образу й сприйняття образу сновидіння. Відтворюючи сновидіння по пам'яті, ми дуже часто стикаємося з безглуздим поєднанням образів, які здавалися цілком осмисленими під час сну. Це пов'язано з багатомірністю часу в сновидінні, і образ, осмислений в одній часовій послідовності сновидіння, може виявитися безглуздим в інший. Завдяки саме таким чином відбувається перехід з однієї подієвої лінії сну в іншу. Хоча протягом сновидіння володіє власною внутрішньою логікою, тим не менш сновидець зустрічає час від часу такі образи, які випадають із загального контексту подій і тому здаються безглуздими. При цьому вони виявляються вплетеними в іншу подієву лінію, де і знаходять новий сенс. Коли сновидець зупиняє свою увагу на таких символах, відбувається перехід з одного сновидіння в інше. Коли ж він прокидається, то в його пам'яті різні події лінії накладаються один на одного, що і створює відчуття хаотичності і безглуздості сновидіння: «Час сновидіння розпадається на безліч перехресних подієвих рядів. Оскільки пам'ять неспання також визначається апріорної темпоральністю неспання, вона в принципі не здатна сприймати сновидіння в її внутрішній структурі, що створює ілюзію суперечливості сновидіння» [1, с. 136].

Образ, залишаючись безглуздим в контексті однієї з подієвих ліній, знаходить свою свідомість в іншій, де і стає символом. Але цей символ особливий – він непомітний як символ в силу своїй гаданій безглуздісті. Завдяки цьому і все сновидіння здається асимволічним і безглуздим. Щось подібне характерно для японського світосприйняття, в якому емпірична дійсність на перший погляд постає асимволічною і безглуздою, але варто лише придивитися, і вона виявляється наповненою символами, що відкривають її глибину. У контексті символізму традиційних європейських культур, від античності і до сьогодення, навпаки, символ завжди вписаний в контекст емпіричної реальності, а тому явний, осмислений.

Японське світовідчуття можна описати на прикладі того, як воно виявляється в мистецтві. М.М. Карпицький вважає, що саме ця риса, яка пов'язана з розривом між прихованою смисловою наповненістю образу і його безглуздістю в контексті емпіричної реальності, визначила характерні риси японського кіно: «Емпірична дійсність абсурдна і абсолютно безглузда. Японські фільми, як правило, дуже натуралістично показують кров і смерть, в якій немає ні романтики, ні героїзму, а тільки м'ясо і бруд. Внутрішній план життя душі ніколи не знаходить свого вирішення в емпіричній дійсності, яка, в силу цього, постає у своїй абсурдності. В душі героїв відбуваються якісь приховування тектонічні рухи, які так і не знаходять виходу в емпіричній реальності. Хіба що два-три штриха на весь фільм, подібно блискавичним руху меча, вихлопують на мить приховану життя душі, щоб потім знову все завмерло» [2, с. 154].

Саме тому японці можуть легко запозичувати що-небудь, не намагаючись вписати це в контекст світосприйняття. Вони не відчують необхідності якось адаптувати запозичення або виправдати їх. Все виходить саме собою. Запозичені символи іншої культури як би паралельні сприйняття повсякденного життя, і тому не порушують її звичного ладу. Японець легко може прийняти китайську або європейську моду або етикет, але це ніяк не торкнеться його, оскільки чужі символи виключені з контексту загального плину життя, і тому не можуть на нього вплинути.

На перший погляд здається, що японці без всякої теоретичної переробки прийняли спочатку досягнення китайської культури, потім західноєвропейської, але чому тоді на рівні внутрішнього життя вони залишилися самі собою? Асиміляція японською свідомістю різних запозичень відбувається не в емпіричній реальності, а в прихованій реальності внутрішнього життя. Якщо б цю приховану реальність можна було описати в системі понять, то вона не була б прихованою. На її змістовність вказують лише почуття та емоції, які для японців служать такими ж орієнтирами, якими для європейців служать цінності та інші ідеальні принципи.

Зміст і образ явлені в емпіричній дійсності, однак, за ними залишається ще прихована потенція, яка вловлюється емоційно. Таємниця душі людини є емоційною виворотом його тіла. Подібно до цього японці відчують емоційну виворіт всього емпіричного життя. Асиміляція запозичень японською свідомістю відбувається не на понятійно-смислового рівні, а на емоційному. Саме на цьому рівні всі апіорні структури європейської картини світу втрачають своє значення, а їх власне утримання включається в контекст японського відчуття життя.

Порівнюючи специфічно японський спосіб засвоєння культурних запозичень з тим, як їх ми засвоюємо, можна виділити три різних способи засвоєння.

1 Зовнішнє засвоєння без сприйняття прихованої сутності. Гарною ілюстрацією можуть служити наслідувальні нововведення Петра Першого. З таким обмеженим розумінням ми інколи стикаємося в поганих формах освіти, коли від студентів вимагають формального відтворення інформації, не звертаючи уваги на розуміння.

2. Засвоєння внутрішнього змісту через включення засвоюваної зовнішньої форми у власний світоглядний і культурний контекст. Цей спосіб засвоєння характерний для традиційної освіти на заході. Він визначив способи сприйняття символів в європейських культурних традиціях шляхом вписування їх у контекст емпіричної реальності за допомогою обрядів та ритуалів. Тут з'являється елемент насильства над засвоюваним змістом у формі приведення його у відповідність з власними культурними уявленнями.

3. Засвоєння внутрішнього змісту без прагнення як-небудь зв'язати зовнішню сприйняту форму з власним світосприйняттям. Це занурення в інший культурний зміст, який повинен був б поглинути в себе пізнаючої людини, а насправді виходить прямо навпаки – якимось чином він без зміни зовнішньої форми змінюється внутрішньо і набуває нового характеру в культурному контексті пізнаючої людини. Саме в цьому особливість японського засвоєння інших традицій. Тут відсутній елемент насильства над засвоюваним змістом, так як не потрібно приведення його у відповідність з власними культурними передумовами, в силу того, що це відповідність встановлюється не на понятійно-смісловому, а на емоційному рівні, в прихованій потенційній глибині душі.

Література:

1. Карпицкий Н.Н. Виртуальность и темпоральность // Известия томского политехнического университета. Том 306. № 4. 2003. С. 132-136.
2. Карпицкий Н.Н. Опыт тела и его судьба в истории культуры // Человек.RU: гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2007. № 3. С. 131-162.